
ОГОНЁК
№ 33 АВГУСТ 1957
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Тысячи участников VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов посетили Мавзолей В. И. Ленина и И. В. Сталина.

Фото Дм. Бальтерманца.

На первой странице обложки: Минск. Круглая площадь. Обелиск-памятник воинам Советской Армии и партизанам Белоруссии, павшим в боях за советскую Родину (см. в номере фотоочерк «Столица белорусская»).

Фото И. Тункеля.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 33 (1574) 11 АВГУСТА 1957

35-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

По приглашению Центрального Комитета Социалистической единой партии Германии и Правительства ГДР в Германской Демократической Республике находится с дружеским визитом Партийно-Правительственная делегация Советского Союза.

В составе делегации: Первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев, заместитель Председателя Совета Министров Союза ССР А. И. Микоян, Министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, заместитель Министра внешней торговли СССР П. Н. Кумыкин, секретарь Ленинградского горкома КПСС И. В. Спиридонов, председатель ВЦСПС В. В. Гришин, заместитель председателя Мосгорисполкома З. В. Миронова, секретарь ЦК ВЛКСМ В. Е. Семичастный, Посол СССР в Германской Демократической Республике Г. М. Пушкин.

На снимке: Н. С. Хрущев и А. И. Микоян на Внуковском аэродроме в день отлета, 7 августа.

Фото А. Гостева.

Чтобы крепла дружба...

У костра дружбы на вечере солидарности с молодежью колониальных стран.
— Каждый, кто честен, встань с нами вместе!

Хозяином этого шумного бала в Кремле была молодежь.

В Парке дружбы. Французский металлист Морис Паж подписывает пионерке Наташе Поляновой посадочный талон. Она будет растить это дерево.

На встрече авиамоделистов в Тушино. Венгры Ференц Шомоди и Эрди Ласло готовят свою модель к полету.

Идет оживленная беседа французских шахтеров с донбасским горняком Героем Социалистического Труда М. В. Атроховым.

Молодые голландские полиграфисты в типографии «Правды».

Вечером на площади Маяковского.

За столом дружбы — китайская и английская молодежь.

Французские манекенщицы демонстрируют парижские моды.

В подмосковной деревне. Идет автобус с гостями: «Не пропускать!..»

На встрече молодых христиан в Троице-Сергиевой лавре. Митрополит Николай Крутицкий беседует со священником из Лондона Фильденом Кларком.

Фото Д. Бальтерманца, М. Ганкина, А. Гостева, А. Канашевича, О. Кнорринга, А. Новикова, Е. Умнова, А. Устинова.

— Так носят шляпы у нас в Бразилии.

Обычный в эти дни разговор: «Ты — Мартиника, мы — Финляндия. Ты и мы: мир и дружба».

5 августа Правительство Союза ССР устроило в Кремле прием в честь VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Около четырех тысяч гостей собралось в Кремле. Они горячо приветствовали руководителей Советского правительства.
На снимке: делегаты фестиваля получают автограф у Н. С. Хрущева.
Фото А. Гостева.

БОЛЬШОЙ РАЗГОВОР

Москва. Фестиваль. Тысячи встреч, случайных и запланированных программой. Тысячи спетых вместе песен. Тысячи веселых танцев. Бесчисленное множество улыбок и рукопожатий.

Каждая встреча на фестивале — неважно, происходит ли она в аудитории МГУ или на скамейке в парке, — большой и откровенный разговор о самом главном.

...Делегации двух стран-соседей — Китайской Народной Республики и Японии. Различными были пути делегаций на фестиваль. Из народного Китая в Москву вела широкая дорога дружбы. А японской молодежи пришлось устраивать забастовку, чтобы добиться разрешения на выезд в Москву. И вот они встретились. И сразу речь зашла о важном.

— Мы рады поговорить с вами откровенно, — сказал японским друзьям молодой китаец Сянь Нань. — Мы считаем, что хорошие дружеские отношения между Китаем и Японией вполне возможны.

И в ответ юноши и девушки из Китая услыхали:

— Мы хотим мира и осознаем важность дружбы Японии и Китая. Мы рады этой встрече.

Так сказал молодой японец Сано Сусуму.

Как и всегда в большом откровенном разговоре, на фестивале высказываются различные точки зрения. Каждый вправе сказать так, как думает он, и каждый вправе не согласиться со сказанным. На встрече молодых парламентариев был затронут вопрос о колониализме. Точка зрения члена Национального собрания Франции радикал-социалиста Леона Овнаньяна такова:

— Отношения между метрополиями и колониями напоминают отношения между родителями и детьми. Когда ребенок подрастает, ему хочется больше самостоятельности.

Другую точку зрения выразил участник этой встречи, приехавший в Москву из Латинской Америки:

— Не пожелал бы я этому французу в его семье таких же отношений, какие существуют сейчас между Францией и Алжиром.

Это хорошо, что в большом разговоре о самом важном идет спор.

Большинство из гостей фестивальной Москвы никогда не бывало в Советском Союзе. Многие из них уедут домой, изменив свои прежние представления о нашей стране. И потом они уже не примут неправды, как не приняли ее американские, австралийские и канадские делегаты.

Дело было так. Корреспондент американской радиотелекомпании «Коламбиа Бродкастинг Систем» господин Шорр записывал на магнитофон интервью с одним из членов американской делегации — Уолтером Купаджем. Он часто останавливал запись, подсказывая молодому американцу, что надо говорить. Члены американской, канадской и австралийской делегаций, стоявшие вокруг, неодобрительно прислушивались к беседе. А когда на вопрос корреспондента о встречах с советскими студентами Купадж ответил, что «девяносто процентов советских студентов не одобряют советской политики в венгерском вопросе», терпение окружающих лопнуло.

— Со сколькими студентами ты встречался? — раздались вопросы.

— С одним, — смущенно ответил Уолтер Купадж.

Господин Шорр поспешил выключить микрофон.

— А в университете был? — продолжали допытываться делегаты.

— Не был.

— Значит, твои слова — ложь!

Молодые американцы, канадцы, австралийцы предложили господину Шорру проинтервьюировать их самих.

— Это неправда—то, что вы делаете! — говорили они Шорру.

Но американский корреспондент не захотел записывать других и удалился.

Может быть, ложь молодого Уолтера Купаджа была невольной, может быть, он просто повторил то, о чем раньше читал в своих газетах. Тем более важен большой и свободный разговор, который идет на фестивале.

И вот этот-то откровенный дружеский обмен мнениями привел в растерянность некоторых буржуазных журналистов, приехавших на фестиваль. Они не ждали такого размаха праздненства, они испугались того, что молодежь Запада и Востока встретилась и свободно разговаривает обо всем, что ее волнует.

Реакция этих журналистов была различной. Одни деятельно ищут то, «что им нужно». Другие вынуждены попросту «не замечать» фестиваль. Французский журналист Анри Пумероль, аккредитованный при пресс-центре фестиваля, пользующийся его услугами, на нашу просьбу высказать свое мнение о празднике молодежи ответил так:

— Меня фестиваль не интересует.

Что же интересует господина Пумероля? Нам рассказали, что в Загорске один иностранный журналист купил в магазине сухари, вышел на улицу и начал совать их проходящей мимо женщине с ребенком. Это был господин Анри Пумероль.

Наконец, есть третья категория журналистов, которая считает, что у фестиваля существует «отрицательная вторая сторона». Эту сторону американец Джордж Шерман, корреспондент английской газеты «Обсервер», назвал в беседе с нами «пропагандой».

6 августа группа зарубежных писателей, прибывших на VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов, вместе с советскими писателями совершила прогулку на теплоходе «Клим Ворошилов» по каналу имени Москвы.
На снимке (слева направо): Леонид Соболев, цейлонский писатель Х. М. П. Мухитдин, Корней Чуковский и Леонид Леонов на палубе теплохода.
Фото А. Лесса.

Группа китайских и японских делегатов в Мытищинской МТС под Москвой.

Фото Галины Санько.

— В чем же состоит пропаганда? — спросили мы.

— Все говорят о мире, о запрещении атомной бомбы.

— Разве это плохо?

— Н-нет, не плохо, конечно, — неуверенно отвечает господин Шерман, — но бесполезно. Вот если бы от общих лозунгов, которые выбрасываются на улицу, перейти к деловому обсуждению вопроса, тогда было бы другое дело.

— Но ведь на фестивале, как вы должны знать, работают различные семинары, на которых эти вопросы разбираются именно поделовому, детально.

Господин Шерман несколько растерянно кивает головой и ничего не отвечает.

Мы спрашиваем его мнение: почему некоторые западные журналисты так мало пишут о фестивале, о том, что здесь свободно осуществляются те личные неофициальные контакты между людьми, о которых «тосковала» западная печать?

Джордж Шерман долго думает, потом говорит, что западная печать относится к таким фестивалям с опаской, она считает их «коммунистическими».

— Но почему? Ведь в Москву съехались люди самых разных убеждений.

— Да... но... Нет, конечно, этот фестиваль отличается в известном смысле от предыдущих...

Таким, как мистер Шерман, трудно, очень трудно. Газеты, видимо, требуют «железного занавеса», скандалов, «коммунистической пропаганды». А на улицах ничего этого нет. На фестивале танцы, пение, смех и большой серьезный разговор. Разговор, нужный людям.

Г. БОРОВИК,
А. СЕРИКОВ

В центре Москвы, на Манежной площади, 6 августа состоялась грандиозная манифестация за мир и дружбу. Не случайно для своего митинга молодежь избрала этот день: двенадцать лет назад американская авиация сбросила на японский город Хиросиму первую атомную бомбу. Пятьсот тысяч юношей и девушек столицы собрались вместе с участниками фестиваля, чтобы заявить протест против испытания ядерного оружия, требуя прекращения его производства.

На снимках: минутой молчания почтили собравшиеся память погибших от первой атомной бомбы. Участники манифестации с факелами в руках направляются на Манежную площадь.

Фото М. Альперта.

Будет много новоселий!

Посмотрите на этот снимок улицы Спартака в городе Челябинске! Перед вами картина, типичная для многих городов нашей страны. Вдоль широкой магистрали тянутся корпуса недавно построенных жилых домов, а рядом с ними уже идет стройка новых зданий. Вот и на улице Спартака сейчас сооружают восьмиэтажный дом для челябинских тракторостроителей, и сооружают быстро, так, чтобы к 40-летию Октября тут справляли новоселье.

Ведущееся широким фронтом жилищное строительство в Челябинске (здесь обязались сдать в нынешнем году в эксплуатацию дома общей площадью в 900 тысяч квадратных метров) — характерная примета наших дней. Несмотря на тяжкие военные раны, жилищный фонд советских городов после войны был не только полностью восстановлен, но и значительно увеличился.

ВСЕГО ЗА ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ ЖИЛИЩНЫЙ ФОНД СТРАНЫ В ГОРОДАХ И ПОСЕЛКАХ ГОРОДСКОГО ТИПА ВОЗРОС В 3,7 РАЗА.

И, тем не менее, проблема жилья все еще остается одной из самых острых. Решению этой важнейшей общенародной задачи и посвящено постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О развитии жилищного строительства в СССР». Каждая цифра этого документа говорит о том, как партия и правительство заботятся о нуждах советского человека, заботятся о том, чтобы жилось ему лучше. Задачи поставлены грандиозные.

СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО ПОСТРОИТ В 1956—1960 ГОДАХ 215 МИЛЛИОНОВ КВАДРАТНЫХ МЕТРОВ ЖИЛОЙ ПЛОЩАДИ — НА 10 МИЛЛИОНОВ БОЛЬШЕ, ЧЕМ БЫЛО НАМЕЧЕНО ДИРЕКТИВАМИ XX СЪЕЗДА ПАРТИИ.

За счет средств населения и с помощью государственного кредита в городах, поселках городского типа, МТС, совхозах и леспромхозах БУДЕТ ПОСТРОЕНО 113 МИЛЛИОНОВ КВАДРАТНЫХ МЕТРОВ ЖИЛОЙ ПЛОЩАДИ ВМЕСТО ЗАПЛАНИРОВАННЫХ РАНЕЕ 84 МИЛЛИОНОВ.

Расширяется объем строительства жилых домов в колхозах силами колхозников и сельской интеллигенции: В 1956—1960 ГОДАХ БУДЕТ ПОСТРОЕНО 4 МИЛЛИОНА ДОМОВ — НА 1,7 МИЛЛИОНА ДОМОВ БОЛЬШЕ, ЧЕМ В МИНУВШЕЙ ПЯТИЛЕТКЕ.

ЦК КПСС и Совет Министров СССР, одобряя почин трудящихся города Горького и ряда других городов по строительству домов собственными силами, призывают всемерно поддерживать и оказывать содействие строительству жилищ силами предприятий с трудовым участием рабочих и служащих.

Таковы некоторые из мер, намеченных партией и правительством для дальнейшего развития жилищного строительства в СССР. В них выражение большой заботы Коммунистической партии о том, чтобы в ближайшие годы устранить в Советском Союзе недостаток в жилищах.

Советские люди от всей души благодарят Коммунистическую партию и Советское правительство за заботу о жилье для трудящихся.

Фото В. Георгиева (ТАСС).

Али Састроамиджойо отвечает на вопросы «Огонька»

Выдающийся государственный и политический деятель Индонезии г-н Али Састроамиджойо посетил Советский Союз и ряд стран народной демократии. Перед отъездом на родину он принял в своей резиденции корреспондента «Огонька» и ответил на его вопросы.

— Как вы оцениваете результаты своей поездки?

— Первоначально официальная цель моей поездки заключалась в том, чтобы посетить ООН. Но я имел удовольствие быть приглашенным в Югославию, Чехословакию и Советский Союз.

Я никогда раньше не был в этих странах. Мне хотелось лично познакомиться с положением здесь, встретиться с руководящими деятелями этих государств. Хотелось уравновесить свои знания о странах Азии, Африки и Европы, в которых я бывал раньше, со знаниями таких стран, как Советский Союз, Чехословакия, Югославия. Все это осуществилось.

Я встречался с руководителями, в этих беседах рассказал о положении в моей стране. Мы много говорили о принципах и идеях Бандунгской конференции в нынешнее время. И я пришел к выводу, что мои собеседники глубоко понимают принципы Бандунга.

— Господин Састроамиджойо, что вы считаете сейчас наиболее важным для воплощения в жизнь идей Бандунга, для консолидации сил стран Азии?

— Вопрос о консолидации свободолюбивых и независимых стран Азии зависит прежде всего от самих стран и народов этого района.

За два года, прошедших после Бандунга, я убедился, что народы Юго-Восточной Азии глубоко сознают необходимость такой консолидации. Поэтому самое главное сейчас — всеми силами поддерживать это сознание необходимости.

— Не так давно американский журнал «Бизнес уик» напечатал статью о независимых странах Юго-Восточной Азии, таких, как Индонезия и Бирма. В этой статье журнал заявляет, что в Индонезии будто бы существует «вакуум», образовавшийся вследствие ухода прежних колониальных хозяев этой страны. «Бизнес уик» призывает США заполнить «вакуум». Что вы думаете по этому поводу, г-н Састроамиджойо?

— Откровенно говоря, я еще не читал этой статьи и не знал, что Америка собирается использовать свою «доктрину вакуума силы» еще и в Юго-Восточной Азии. Но если это так, то я могу заверить, что никакого «вакуума» силы или власти в Индонезии не существует. Любые события в моей стране — это внутреннее дело индонезийского народа. И любое вмешательство со стороны вызовет его сопротивление. Такое вмешательство, откуда бы оно ни исходило, явилось бы нарушением принципов, провозглашенных в Бандунге.

В заключение беседы г-н Али Састроамиджойо написал несколько слов для читателей журнала «Огонек»:

Saudara-Saudara jth.

Dengan ini saja hendak menjampaikan trima kasih saja kepada Pemerintah dan Rakjat Uni Sovjet atas sambutannja jang ramahtamah dan persahabatan selama saja berada dinegeri jang besar dan indah ini.

Mudah²-an kundjungan saja ini dapat menambah eratnja hubungan persahabatan rakjat dan negara Indonesia dgn Uni Sovjet

5.7.'57 Ali Sastroamidjojo

Уважаемые друзья!

Я хочу передать свою благодарность правительству и народу Советского Союза за радушный и дружеский прием, оказанный мне во время пребывания в этой великой прекрасной стране.

Пусть мой визит еще больше укрепит узы дружбы между народами двух государств: Индонезии и Советского Союза.

АЛИ САСТРОАМИДЖОЙО

А. СТАРКОВ

Фото автора.

ПУСТЬ ЗВОНИТ КОЛОКОЛ!

Читателям «Огонька» уже известно имя ленинградского врача А. А. Никифоровой. О ее героическом поведении в гитлеровском концлагере Равенсбрюк рассказывалось в № 48 журнала за 1956 год.

Недавно по приглашению немецкой коммунистки Эрики Бухман и других своих подруг по лагерю А. А. Никифорова побывала в ГДР.

Об этой поездке и рассказывает специальный корреспондент «Огонька».

Улица Антона Зефкова

...Немецкие подруги хотели как можно больше показать Антонине Александровне в Берлине. Рано утром — в семь, самое позднее в восемь — приходила машина, и начиналось путешествие по городу.

Больница на аллее Ленина. Три часа водит нас из корпуса в корпус, из клиники в клинику, из палаты в палату профессор Гейнрих Клозе, старейший и известнейший немецкий хирург. Ему 78 лет, и он мог бы ограничиться вступительной беседой у себя в кабинете, а сопровождение гостьи поручить кому-либо из своих более молодых помощников. Но он пошел сам, хотя ноги уже не очень послушны и мучает одышка. Старик сердится, когда его спрашивают, не устал ли он, и упрямо идет вперед. Он должен сам, сам показать все коллеге из Ленинграда...

Заводская поликлиника. Дворец спорта, построенный за сто сорок дней. Детская техническая станция. Ясли, разместившиеся в бывшей квартире коммерсанта. Новая школа в Пренцлау-Берге, рабочем районе. Дом пионеров. И еще один Дом — молодежи, «Югендхауз», нечто вроде интерната, какие существуют у нас в Донбассе при шахтах. Кстати сказать, директор «Югендхауза» Гейнц Люмот хорошо знает Донбасс. Он жил там во время плена. На родину Гейнц вернулся убежденным антифашистом. Работал секретарем Союза свободной немецкой молодежи в Ростоке, портовом городе. Потом послали сюда, в Берлин, заведовать «Югендхаузом». Таких домов в Берлине десять. В них живут подростки, юноши с трудной судьбой, с трудным характером. Потерявшие родных. Попавшие под дурное влияние улицы. Запутавшиеся в поисках «цели жизни». Вот найти эту цель и помогает «Югендхауз» с его превосходной библиотекой, с его атмосферой коллективизма, с его воспитателями, умеющими проникнуть в душу юнцов. Все обитатели Дома работают — кто на заводе, кто в конторе — и обязательно учатся в вечерней школе или на рабфаке.

Дом молодежи стоит на улице Антона Зефкова. Эта улица вместе с другими, идущими параллельно ей, образует «Зеленый город», который еще совсем недавно был «Мертвым городом». Он назывался так потому, что на всей его огромной территории не уцелел после бомбардировок ни один дом. «Мертвый город» стал «Зеленым», когда часть его снова была застроена жилыми домами, а на остальной части разбит парк, который тянется теперь вдоль всей улицы Антона Зефкова на уровне второго этажа ее домов. В Берлине многие новые парки и скверы расположены на возвышениях. Это бывшие развалины, засыпанные землей и засаженные деревьями, кустарниками, цветниками. Таков и этот парк — он тоже на руинах. Чтобы войти в него, нужно подняться по гранитной лестнице. Центральная площадь парка — в газонах, клумбах. Посередине — обелиск, с которого глядит молодое веселое лицо. У этого человека, когда его фотографировали, было, видимо, чудесное настроение. Кто он? Надписи на обелиске рассказывают: Антон Зефков, берлинский рабочий. Руководил во время фашизма самой большой группой Сопротивления в Германии. Убит 18 сентября 1944 года в Бранденбургской тюрьме... И тут же слова Бертольда Брехта: «Кто не сдался — тот убит. Кто убит — тот не сдался». Вот этот веселый и, наверно, очень любивший жизнь человек не сдался и был убит.

— Антон Зефков... Зефков,— повторяет Антонина Александровна.— Скажите, это не родственник Энне Зефков?

— Энне — вдова Антона,— говорит сопровождающий нас работник районного магистрата.— Она была несколько лет бургомистром в нашем районе, вот здесь, в Пренцлау-Берге... Парк, новые дома, которые вы видите, прекрасные дороги — все это сделано при Энне...

Третьего дня на аэродроме среди встречавших Никифорову женщин — бывших узниц Равенсбрюка — была и Энне Зефков, высокая, седая, с суровым матово-бледным лицом. Она казалась еще бледней из-за букета ярко-красных, пунцовых роз, которые Энне держала перед собой, протягивая их гостье... Антонина Александровна недолго была знакома с ней в лагере. Энне привезли в Равенсбрюк месяца за два до прихода наших войск. Она была тяжко больна, почти не вставала с койки, и нужно было как-то уберечь ее от газовой камеры. В эти последние месяцы существования лагеря эсэсовцы ежедневно уничтожали сотни заключенных, и в первую очередь немощных, больных. Подругам удалось устроить Энне в колонну угоняемых на запад. О дальнейшей ее судьбе Антонина Александровна ничего не знала. Дошла ли Энне? Не упала ли на дороге? Жива ли?.. И вот она на аэродроме, Энне Зефков, депутат Народной палаты, член Международного комитета матерей... Что знала о ней в лагере Никифорова? Очень мало. Среди узниц Равенсбрюка существовал неписаный закон: никогда не расспрашивать друг друга, кто за что попал в лагерь. Это и так видно было по нарукавному треугольнику — винкелю, который нашивали заключенным. У Энне был красный винкель, значит, «тяжело политическая», значит, коммунистка. Вот и все, что известно было о ней Антонине Александровне. Никифорова не знала, откуда Энне, из какого города, есть ли у нее семья — муж, дети, где они...

Вот он перед нами на обелиске — муж Энне, не сдавшийся врагам коммунист.

И в тот же день мы слушаем рассказ Энне об Антоне. Сидим в ее просторной квартире на восьмом этаже нового дома. В раскрытое окно видны крыши далеких домов. Вон крыши Пренцлау-Берге, трубы его фабрик. Среди них зеленый остров, парк. Там обелиск с портретом Антона, точно таким же, как в комнате. Антон глядит со стены на Энне. Он прислушивается к тому, что рассказывает о нем его Энне. И кажется, что веселое, улыбчивое лицо Антона становится все серьезней и задумчивей.

Они познакомились еще в самом начале двадцатых годов, когда оба были комсомольцами: Энне Тибес — местной функционеркой, а Антон Зефков — членом ЦК комсомола Германии, уже известным полиции как организатор всеобщей берлинской забастовки заводских учеников. Но должно было пройти двадцать лет, прежде чем они стали мужем и женой... Судьба профессионального революционера бросала Антона с одного края страны в другой. Его знали шахтеры Рура, ткачи Силезии, лейпцигские печатники, гамбургские докеры. В Гамбурге он и был схвачен гестапо 16 апреля 1933 года, в день рождения Эрнста Тельмана, который к тому времени находился уже в тюрьме. Антона взяли в момент, когда он пытался передать жене Тельмана Розе деньги, собранные для нее рабочими.

Шесть лет в каторжных тюрьмах.

Он вернулся с каторги тем же, кем ушел на каторгу,— коммунистом. Он готов был сразу же продолжать борьбу. Но требовалась осторожность. Гестапо следило за ним. Нужно было обмануть бдительность гестапо. Антон пошел в шоферы. Он был первоклассный водитель, и слава о нем быстро распространилась по гаражам. Его не прочь были нанять многие владельцы машин, и в том числе весьма влиятельные. Так, через два года после выхода с каторги Антон оказался на службе у директора огромного военного концерна. Шеф был доволен своим аккуратным, вежливым, всегда предупредительным шофером. Но шеф не знал, что у его Антона есть еще другое имя — Курт. И что этот Курт стоит во главе большой, самой большой в Германии подпольной антифашистской организации.

Энне кладет перед Антониной Александровной лист бумаги, на котором начерчена схема деятельности нелегальной «группы Зефкова». Чертежнику нетрудно было нанести все эти прямоугольники, квадратики, кружочки и соединить их между собой линиями, пунктирами, стрелками. Теперь все это ясно, секрета нет... А сколько бы дал в свое время шеф гестапо Гиммлер, чтобы вот такая схема легла ему на стол! Три с лишним года билась его агентура, чтобы распутать эту тонко сплетенную сеть. И уже, ка-

В парке Антона Зефкова.

SCHEMA DER ILLEGALEN „GRUPPE SAEFKOW" 1941–45 UND IHRER VERZWEIGUNGEN.

Схема деятельности группы Антона Зефкова.

жется, вытягивалась какая-то нить, наносился где-то удар, но он оказывался всякий раз локальным, не затрагивавшим всей системы связей, явок, опорных пунктов. А система была очень сложна: она охватывала не только Берлин, но и Гамбург, Дюссельдорф, Ганновер, Лейпциг, Магдебург, Дрезден, города Тюрингии, Силезии. В одном только Берлине более чем на 25 крупных военных заводах «группа Зефкова» имела свои опорные пункты. Такой опорный пункт олицетворяла собой и Энне, уже носившая тогда фамилию Зефков, скромная машинистка в заводоуправлении... Да что заводы! В самом рейхсминистерстве военной промышленности подпольщики имели своего человека. Сейчас против его фамилии, обозначенной на схеме, стоит крестик. Расстрелян... Такие крестики разбросаны по всей схеме. Гестапо удавалось время от времени схватить то одного, то другого участника группы: хозяйку явочной квартиры, работника военно-полевой почты, пересылавшего на фронт антифашистские листовки, или надзирателя в тюрьме, через которого поддерживалась связь с заключенными.

Эти удары были чувствительны. Но как уже сказано, «группа Зефкова» продолжала жить, действовать. Даже арестовав самого Антона и двух его ближайших помощников — Франца Якоба и Бернгарда Бестлейна,— гестапо не добилось решающего успеха. У этих людей, прошедших уже через тюрьмы и каторги и ясно представлявших себе, какая участь их ожидает, не удалось выдавить и капли признания. Они были убиты. А организация жила. Боролась. Руководила саботажем на военных заводах. Вела агитацию среди солдат. Печатала и распространяла листовки, под каждой из которых стояла подпись: «Коммунистическая партия Германии».

Рядом со схемой подпольной работы Энне кладет толстую ученическую тетрадь, на обложке которой выведено крупными печатными буквами: «Будущему ребенку...» Эту тетрадь Антон завел в подполье, когда Энне готовилась стать матерью. Он записывал для дочери (а ему хотелось, чтобы родилась непременно дочь, и он даже заранее выбрал для нее имя: Бербель) сказки, поучительные истории, забавные стишки, загадки, слышанные им еще в детстве. Антон спешил записать как можно больше, предчувствуя, что рассказать все это ребенку устно ему не доведется.

Родилась дочь. И ее назвали Бербель. Ей было год три месяца и один день, когда у нее отняли отца. Ей исполнилось год три месяца и два дня, когда ее разлучили с матерью.

Школьники Германской Демократической Республики читают сейчас в хрестоматиях предсмертное письмо Антона Зефкова к жене. Мы с Антониной Александровной читали это письмо в подлиннике. Нам дала его прочесть Энне. Почерк четкий, прямой, ясно выписана каждая буква. Рука этого человека не дрожала. Он писал:

«Моя Энне!

Сейчас наивысший пункт в нашей политической и личной жизни. Война достигла своего «апогея» и скоро пойдет к концу. Число жертв увеличивается. И если я тоже должен умереть, то перед смертью мне выпало большое, хотя и болезненное счастье— написать тебе. Теперь, когда нас навсегда отрывают друг от друга, я хочу поблагодарить тебя, моего товарища, за все прекрасное, чем одарила ты меня.

5 сентября я полевым судом приговорен к смерти. Но только сегодня, когда я пишу эти строки, на мои глаза впервые после приговора набегают слезы. Эта боль, которая, кажется, готова разорвать мне сердце, сдерживается сознанием. Ты знаешь, я мужественный человек и умру храбро.

Лишь поэзии известны безоблачное счастье и вечная юность. Небо над нами было в тучах, вызванных войной. Радость и страдения сплелись воедино в нашей жизни. Бербель родилась в грозовую пору. Но я хорошо знаю тебя и не тревожусь о воспитании нашей дочери.

Мамочка! Чувствуешь ли ты, как я обнимаю и целую тебя. Привет всем людям, которые ценили и любили меня. Будьте здоровы. Всегда до последнего моего часа

твой Антон

9 сентября 1944 года.

Бранденбургская тюрьма».

— Письмо Антона,— тихо говорит Энне,— я получила 26 сентября. Гестапо разрешило переслать его мне в женскую тюрьму здесь, в Берлине. Я читала письмо и еще надеялась, что Антон будет жить. А шел уже, оказывается, восьмой день, как его не было на свете... В день казни, 18 сентября, он написал мне еще одно, последнее свое письмо. Но оно не было мне передано. Гестаповцы уничтожили его, а меня официально известили о казни мужа. Это было в октябре. Потом я попала в Равенсбрюк. Ты помнишь, Антонина, в каком я была состоянии. Помнишь, как я выглядела, когда меня вместе с другими заключенными угоняли из лагеря...

— Но как же ты уцелела? Как выдержала этот путь?

— Не знаю... Не знаю, откуда взялись у меня силы. Мы прошли под конвоем 18 километров, как вдруг где-то впереди к шоссе вырвались русские танки. Наша охрана разбежалась. И, оказавшись внезапно на свободе, мы смешались с толпой беженцев, запрудившей шоссе. Постепенно люди растекались по разным дорогам. Я шла в сторону Берлина. Там были мой отец, моя Бербель. До Берлина оставалось каких-нибудь 50—60 километров. Но мне потребовалась почти неделя, чтобы преодолеть их. Уже на исходе сил, теряя последние их остатки, добралась я до дома. Теперь я могла слечь, могла лечиться. Могла, но не имела права. Партии нужны были люди. И знаешь, мое счастье, что я тогда не слегла. Если бы свалилась, то уж больше не поднялась бы с постели...

Я начала работать в одном из районов Берлина, в Панкове, советником по социальному обеспечению. Ко мне шли потерявшие семью, кров. Шли голодные, больные, калеки. Приводили сирот. А когда надвинулась зима со страшными холодами, началась битва за топливо, за тепло. Нам бы не выиграть ее без помощи советского командования. Ваши солдаты привозили уголь, дрова. Помогали сколачивать бараки, и туда стекались жители, замерзавшие на развалинах... Позже я работала в Панкове заместителем бургомистра. Потом училась в Академии государственного управления. А потом в другом районе, в Пренцлау-Берге, меня выбрали бургомистром. Ты, кажется, была там сегодня? Ну, значит, видела, что это за район. Самый маленький по территории в демократическом секторе Берлина и самый населенный. Двести пятьдесят тысяч жителей! В таком районе самые главные заботы у бургомистра — жилье, здравоохранение, школы. Мне было и трудно и легко там. Тяжело потому, что разрушения были ужасны, все — в руинах. А легко потому, что район рабочий, известный своими революционными традициями. Кругом трудовой люд! Народ, который не нужно скликать на работу: сам идет разбирать руины, возить в тачках землю, класть кирпичи. Ты была на улице Антона? Там дома построены руками населения. И парк разбит теми же руками...

Энне называет цифры. Она словно отчитывается перед своей советской подругой. Как бы хочет сказать ей, что эти годы она, Энне Зефков, не провела даром...

В полураскрытую дверь видна в соседней комнате склонившаяся над книгой белокурая девчоночья голова. Это Бербель. Завтра у нее последний экзамен в восьмом классе. Русский язык.

— Бербель! — окликает ее мать.— Отдохни немного.

Девочка входит в комнату, где мы сидим. Это, конечно же, Энне, только Энне, которой не пятьдесят четыре, а четырнадцать. Все от матери — рост, овал лица, рисунок губ. И взгляд такой же суровый. Но улыбнулась — и мелькнуло что-то неуловимое от отца, такого, каким мы видим его на портрете.

— Бербель, как ты собираешься провести каникулы? — спрашивает Антонина Александровна.

— Я еду в Советский Союз, в Арктику.

— О, это очень интересно. Только захвати с собой побольше теплых вещей.

— Но ведь там жарко! — удивляется Бербель.

И тут выясняется, что она едет не в Арктику, а в Артек.

Смущенная ошибкой, Бербель выскальзывает на балкон. И вот она уже прыгает там через скакалку. Балкон достаточно широк для этого, можно не спускаться во двор. Вообще-то говоря, занятие, не очень совместимое со званием члена Союза свободной немецкой молодежи... Но, во-первых, Бербель лишь полгода, как перешла в этот союз из пионеров. А во-вторых, разве уставом союза возбраняется прыгать через веревочку? Прыгай, девочка, скачи!

Звонит телефон.

— Бербель, тебя! — зовет Энне.

Запыхавшаяся Бербель берет трубку. И долго-долго говорит с кем-то.

— Это Ганс,— наклонившись к Антонине Александровне, шепчет Энне.— Сын моей подруги Гильды Коппи. Она родила его в тюрьме, в камере смертников. Гестаповцы смилостивились и разрешили ей кормить грудью ребенка. Но когда ему исполнилось восемь месяцев, Гильду казнили... Мальчику 15 лет. Они дружат с Бербель и вместе едут в Артек...

«Совместная работа над материалами...»

В день приезда Антонины Александровны в Берлин, кажется, Энне, а может быть, Марга Юнг сказала:

— Антонина, ты наша дорогая гостья. Но мы хотим и поэксплуатировать тебя.

В большой, разнообразный план пребывания Никифоровой в ГДР, составленный ее немецкими подругами, наряду с экскурсиями по Берлину, поездками в Лейпциг, Дрезден, Потсдам с его дворцами Сан-Суси и Цецилиенхаузом, прогулкой по горам Саксонской Швейцарии была включена и «совместная работа над материалами будущего музея»...

Правительство ГДР решило создать на территориях бывших концентрационных лагерей Бухенвальда, Саксенхаузена, Равенсбрюка музеи, соорудить памятники. В Бухенвальде музей уже открыт. Собираются материалы для музея в Равенсбрюке.

Идет заседание Немецкого комитета с участием представительницы Советского Союза Антонины Александровны Никифоровой. Председательствует Энне Зефков. Докладывает Марга Юнг, секретарь комитета.

Марга перенесла недавно большое горе. Умер ее муж Пауль, тяжело болевший все эти послевоенные годы. Он так и не смог оправиться от пыток и мучений, перенесенных в тюрьме, на каторге, в концлагерях. Пауль Юнг был берлинский типограф. До прихода Гитлера к власти он набирал «Роте Фане», легальный орган ЦК германской компартии. При Гитлере Пауль продолжал набирать ту же газету, ставшую теперь подпольной. Пауль ухитрялся делать это в типографии, где печаталась официозная фашистская литература. Ему помогали товарищи, помогала жена Марга, работавшая наборщицей в той же типографии.

Маргу слушает Роза Тельман, вдова великого немецкого коммуниста. У нее морщинистое крестьянское лицо. Среди присутствующих она старшая по возрасту и самая, конечно, уважаемая. Ей бы не следовало приходить сегодня: сердце что-то пошаливает. Но она хотела увидеть «доктора Антонину», с которой была дружна в лагере... Недавно Роза ездила в Мюнхен на собрание тех, кого фашисты сажали в тюрьмы, ссылали на каторгу, держали в лагерях. Боннские власти вынуждены были разрешить это собрание. Но на обратном пути Розу Тельман задержали, обыскивали, все перевернули в ее чемодане, ища какую-то крамолу. «Ты представляешь,— рассказывала Роза Антонине Александровне,— ощущение было такое, что я снова в гитлеровской Германии...»

Роза Тельман (справа) и А. А. Никифорова.

Слушает Маргу Эмми Хандке. Вчера мы были в гостях у Эмми. Весь вечер она хлопотала у стола, так, кажется, и не присев, то и дело выбегая на кухню. Она потчевала нас пирогами, пирожками, пирожными, мороженым, и мы оценили ее высокое кулинарное искусство. Эмми разрумянилась у плиты, ей очень к лицу белоснежный передник. Можно было подумать, что она всю жизнь провела вот в таком переднике, чудодействуя у духовок, угощая гостей. А она всю жизнь, почти всю свою сознательную жизнь отдала партии, в ряды которой вступила восемнадцати лет. Эмми показала нам партийный билет, выданный ей в 1922 году. Как он сохранился? Гестаповцы, арестовывая Эмми, не нашли его. Она успела замуровать билет в стену дома, где жила. Дом уцелел во время бомбежек, и билет сохранился... Эмми просидела семь лет в одиночке. Наверно, эти годы и отразились той грустинкой, которая нет-нет, да промелькнет в ее живых карих глазах. Гестапо до чрезвычайности нужны были ее показания. Эмми допрашивал лично Гиммлер. Гестаповцы догадывались, что она многое знает об одном арестованном руководящем работнике компартии. Но ни рядовые следователи, ни высшие чины, ни сам шеф гестапо не смогли вырвать у нее нужных показаний. Человек, которого она не предала, подарил ей после войны свою фотографию с надписью: «Эмми, которая меня спасла...» Этот человек сейчас муж Эмми.

Вся подавшись вперед, переживая каждое слово докладчицы, слушает ее старая коммунистка Марта Паука... Антонина Александровна отлично помнит Марту по лагерю. Она была бельевщицей и, рискуя попасться, тайно снабжала больных женщин теплыми вещами.

О чем же говорит докладчица? Она сообщает, что решения международной конференции бывших узниц Равенсбрюка, которая состоялась в прошлом году в Берлине, выполняются. Большинство национальных комитетов активно развернуло работу. Собрано уже немало материалов для будущего музея. И они уже стекаются в Берлин.

Австрийские товарищи прислали красное знамя. Оно сшито по кусочкам из красных винкелей — нарукавных знаков, которые носили в лагере «тяжело политические». Есть предложение укрепить это знамя над входом в музей. Оно хранится пока в Комитете антифашистских борцов Сопротивления. Мы видели его там. Знамя не очень большое, на него пошло несколько десятков винкелей, которые сохранились у австриек. А если бы сшить вместе все красные нарукавные треугольники Равенсбрюка, такое знамя покрыло бы, наверно, всю огромную площадь Тельмана в центре Берлина...

Бесценные реликвии прибыли из Франции. Крошечная тетрадочка в половину женской ладони, и на ее страничках мельчайшим почерком законспектирована ленинская работа «Что делать?»... Вторая такая же тетрадка, в которой изложены события революции 1848 года. Конспект по истории ВКП(б), спрятанный под стелькой войлочной тапки... Все это пособия, которыми пользовались француженки, участницы подпольного лагерного кружка.

— Наша Эмми Хандке,— говорит Марга,— разыскала в архивах много документов по Равенсбрюку. Только что она нашла целую пачку «нарядов трудовым командам». Вы помните эти ненавистные бумажки, по которым нас пересчитывали, когда уводили на работу, и снова считали, когда приводили обратно?.. Пусть лежат теперь в музее. Из Праги пишут, что там тоже найдены документы нашего лагеря. Мы ждем материалы от товарищей из Польши, Югославии, Бельгии...

— Из Советского Союза! — говорит Роза Тельман, и все поворачиваются к Антонине Александровне.

— Я кое-что привезла,— говорит она, раскрывая лежащую перед ней толстую папку.

В апрельские и майские дни 1945 года, когда из освобожденного лагеря разъезжались его недавние пленницы, советский врач Никифорова, «доктор Антонина», была негласно выбрана ими «летописцем Равенсбрюка». Еще тогда, расставаясь, прощаясь, женщины говорили, что история их страданий и борьбы в лагере должна быть поведана миру, что нужно написать коллективную книгу, выпустить документальный фильм, создать музей. И как первые материалы в фонд будущего музея, подруги сносили Никифоровой свои наспех написанные воспоминания, случайно уцелевшие записные книжки, письма, списки замученных, снимки и даже стихи, которые тайно сочинялись и разучивались заключенными. Все это Антонина Александровна сберегла и передает теперь Марге Юнг. Папка раскрыта, и из нее выпало на стол несколько фотографий.

— О, знакомые рожи! — восклицает порывистая Марта Паука.— У, свиньи!..

Эти снимки были собраны в домах разбежавшихся эсэсовцев. С презрением, с брезгливостью рассматривают сейчас женщины фото своих мучителей.

— Нет ли здесь гадины Сиенс? — спрашивает Марга.

Речь идет об эсэсовской врачихе, особенно изощренно издевавшейся над больными.

— Нет, эта дрянь, удирая, успела замести за собой следы.

— Она неплохо теперь устроена,— говорит Паука.— Живет в Нюрнберге. Работает в поликлинике, где лечатся американцы...

Марга Юнг благодарит «доктора Антонину» за привезенные ею материалы, которые «очень важны для нас». Но Никифорова привезла еще нечто более значительное, безмерно взволновавшее собравшихся здесь немецких коммунисток. Она привезла им вести о советских подругах, с которыми они были близки в лагере и о которых не имели сведений после войны.

Антонина Александровна показывает фотографию Любови Конниковой, передает от нее привет. Кто же не знал в Равенсбрюке Любу! Кто не восхищался героизмом этой русской женщины, которую эсэсовцы так и не смогли заставить работать на военном заводе!

— Стойкость Любы была примером для всех нас,— говорит Роза Тельман.

— Смотрите, смотрите! — ликует Марта Паука, не выпуская из рук фотографии.— Вот наша Люба! — Снова глядит на снимок и добавляет: — Но не находите ли вы, что она немножко состарилась?..

— Даже ты, Марта, постарела,— говорит Эмми.

— У меня седые волосы...

— Но молодая душа, хочешь ты сказать?

Называется имя за именем. Как приятно узнавать, что человек жив-здоров!

Марга Юнг говорит, что в комитет часто приходят запросы о советских женщинах. Вот Эльза Шопке из Дрездена интересуется судьбой Киры Петровны Абрамовой.

— Абрамова? Я знаю ее,— говорит Антонина Александровна.— Мы живем с ней в одном городе. Она учительница. Она непременно напишет Эльзе.

А Ильза Гейнриш из Лейпцига разыскивает Таню Чибис, которую девочкой привезли в Равенсбрюк. Ей было 15 лет. Она из Ленинграда. Есть там улица Лиговка? Таня жила до войны на этой улице.

Никифорова обещает поискать Таню Чибис.

— И найди мне, пожалуйста, Дусю из Запорожья,— просит старая Марта.

— Марточка, а как ее фамилия?

— Мы называли ее просто Дуся.

— У нас в стране очень много Дусь...

— Но разве нельзя напечатать в газете, что разыскивается комсомолка Дуся из Запорожья, которая дружила с немецкими подпольщиками в городе Берлине, в районе Нейкельн?..

Выполняем просьбу Марты Паука. Печатаем про Дусю. Может быть, она и в самом деле откликнется?

Мари-Клод прилетела...

...Эрика Бухман, которую Антонина Александровна сразу же по приезде навестила в больнице, по-

казала ей письмо, только что полученное от Мари-Клод Вайян-Кутюрье.

«Дорогая Эрика! — писала та из Парижа.— К вам приезжает Антонина. Я тоже хотела бы ее увидеть. Но я не знаю, как это сделать. Я должна ехать в Хельсинки на Совет женской федерации. А еще во вторник мне надо выступать в Марселе с докладом против атомного оружия. Как быть? Ведь я задержусь в Хельсинки неделю. Сколько времени пробудет у вас в гостях Антонина? Если нам не удастся встретиться сейчас с Антониной, передай ей, Эрика, что я всегда, всегда думаю о ней. Привет. Мари-Клод».

Мари-Клод! Родная, милая Мари-Клод, с которой они так подружились в лагере... Неужели они не встретятся в этот раз? Вот уже двенадцать лет как не виделись. Француженка приезжала в Москву, но в Ленинград ей не удавалось выбраться. Правда, однажды они разговаривали по телефону. Но телефон — только телефон. Встретиться бы, обняться, закрыться в комнате и наговориться за все двенадцать лет! Немецкие подруги, видя, что Антонина Александровна заскучала, затревожились, куда-то звонили, телеграфировали, хлопотали и наконец торжественно объявили: «Приедет! Увидитесь!»

И вот Никифорова на аэродроме. Кроме Энне, Эмми, Марги, здесь еще пражанка Зденка Недведова. Она дочь Зденека Неедлы, старейшего чешского коммуниста, сестра Вита Неедлы, героя войны, павшего в бою с фашистами, вдова расстрелянного фашистами же Милоша Недведа, о котором Юлиус Фучик писал: «Прекрасный, благородный товарищ...» Зденка приехала в Берлин на конгресс врачей-педиатров, услышала, что здесь гостит «доктор Антонина», что прилетает Мари-Клод, и примчалась на аэродром. С Мари-Клод она знакома не только по Равенсбрюку, но еще и по Освенциму.

Волнуется Антонина Александровна. Какова будет их встреча с Мари-Клод? В лагере они были как сестры. В лагере они называли друг друга: Маша-Клаша, Антониночка. А сейчас? Кто-то сказал, что Мари-Клод стала важной. Антонине Александровне трудно представить себе Машу-Клашу важной. Но все-таки... Все-таки вице-президент Международной демократической федерации женщин. Вице-председатель Национального собрания Франции.

Очень долго нет самолета. Очень долго он садится и выруливает. Очень долго подкатывают передвижную лестницу. И когда пассажиры уже выходят, очень долго не появляется Мари-Клод. Вот она! Высокая, стремительная, со светлой шапкой волос, которые падают на лоб. Не идет — летит навстречу Антонине Александровне.

— Ой, Антониночка! Как я боялась, что не застану тебя!

— Здравствуй, здравствуй, дорогая, бесценная моя Маша-Клаша!

Потом они сидят в гостинице — француженка, русская, чешка, их подруги-немки. Беседуют. Разговор идет на смешанном языке, который всем понятен. Сейчас видно, что Мари-Клод очень устала. Лицо утомленное.

Мари-Клод прилетела...

— В Хельсинки пришлось много поработать. Заседания заканчивались к ночи. Впрочем, ночей сейчас в Хельсинки нет. Они белые. И заснуть невозможно.

Слева от Мари-Клод Антонина Александровна, справа — Зденка. В Берлине жара, и у Зденки, как и у француженки, платье без рукавов. У обеих синеют выше ладоней вытатуированные номера. Так метили в Освенциме иностранцев. У Мари-Клод — «31 285», у Зденки — «32 624». Это значит, что чешка попала в лагерь лишь на один — два дня позже француженки. А может быть, и в один день. В Освенцим, как и в Равенсбрюк, пригоняли ежедневно тысячами.

— Эти номера у нас с тобой навечно, Зденка,— говорит Мари-Клод.— Их ничем не удалишь. Можно только вырезать вместе с мясом... Помнишь, Антонина, как спасали мы одну австрийскую коммунистку? Ее звали Тонни. Как тебя. Она была включена в список смертников. Но пока лежала в тифу, не трогали. Поправится — убьют. Где ее скрыть, куда упрятать от смерти? Тонни — приметная, из Освенцима, с номером на руке. Решили оперировать ей руку, сделать надрез. Но если один надрез, эсэсовцы догадаются. Надо проделать операцию по всем правилам. Как при флегмоне. С двумя глубокими надрезами. А кто за это возьмется? Я уговорила польку-хирурга. Она оперировала Тонни, удалила ей проклятый номер. А потом переменили австрийке личную карточку, присвоили новую фамилию, и отправилась она с транспортом в другой лагерь... Ну, хватит про Равенсбрюк. Давайте о чем-нибудь другом... Зденка, я слышала, ты готовишься стать бабушкой?

— И совсем скоро,— говорит Зденка.— Видимо, через месяц.

— О, как я тебе завидую! Это же просто замечательно — быть бабушкой! Но у меня нет такой скорой перспективы. Мальчики, к сожалению, не торопятся. Моему студенту вот-вот двадцать, я в его возрасте была уже давно в браке, а у него мысли совсем о другом. Нет, не быть мне бабушкой в ближайшее время.

— Не зарекайся! — говорит Антонина Александровна, у которой сыну тоже скоро двадцать.— Вот вернешься в Париж и найдешь твоего Тома женатым.

— Что это — «не зарекайся»? Я не знаю такого слова... А, поняла — не клянись.

— Правильно, Мари-Клод. Не клянись! Ты верно подобрала слово,— говорит Антонина Александровна, которая в лагере обучала француженку русскому языку, учась у нее французскому.

Раз уж вспомнили о сыновьях, поворчали заодно на всю современную молодежь: она «избалована». Поворчали и на мужей, которые не всегда понимают интересы своих жен.

И тут же вдруг Мари-Клод говорит с грустью:

— Никогда не забуду югославку, умиравшую от туберкулеза в тот день, когда в лагерь пришли советские солдаты. Она попросила меня переложить ее к окну, чтобы увидеть хотя бы одного красноармейца. Не забуду ее лица!

— Ты же не хотела больше про Равенсбрюк,— говорит Антонина Александровна, видя, как на глаза француженки навертываются слезы.

— Но этого не вытравишь из себя. Это всегда вот здесь — у горла! — с силой произносит Мари-Клод.

Они ночевали вместе, в одном номере: Мари-Клод и Антонина Александровна. Сдвинув кровати, лежали рядышком. И хотя в Берлине нет белых ночей, которые мешают спать, они так и не уснули до утра. Говорили, говорили, как, бывало, в лагере, когда они спали под одним одеялом. Там, в лагере, они шептались, боясь, что их услышит надзирательница. Сейчас им никто не угрожал. Но они все равно говорили шепотом — по старой привычке...

Утром — в Веймар, вернее, в Бухенвальд, который в 20 километрах от Веймара.

Там, в Бухенвальде, собрались бывшие узники этого концентрационного лагеря, съехавшиеся из Франции, Польши, Дании, Австрии, Советского Союза, Бельгии, Голландии — словом, со всей Европы. Прибыли и родственники погибших пленников.

Это так и называется: «Европейская памятная поездка в Бухенвальд».

Очень разный тут народ!

Вот фабрикант из Антверпена, да, фабрикант — хозяин небольшой корсетной фабрики. За что он попал в свое время в Бухенвальд, неизвестно. Но его знает кое-кто из собравшихся. Он очень словоохотлив. Всем раздает рекламный проспект своей фабрики. Дескать, будете в Антверпене, заходите, устроим вам по знакомству корсетик.

Вот сестра Эмерита, монахиня из Савойи. Она приехала возложить венок у крематория, где сожжен кто-то из ее родичей.

И вот Николай Кюнг, учитель подмосковной школы, скромный преподаватель истории, храбрейший Кюнг, которого все тут знают как одного из организаторов вооруженного восстания в лагере. Кюнга и его товарищей Николая Симакова, Бориса Назирова, Михаила Сосковца по очереди обнимает и целует маленький седой человек. Это профессор Лейпцигского университета Вальтер Бартель, бывший секретарь международного подпольного коммунистического парткома, который действовал в лагере и руководил борьбой заключенных...

На центральной площади, там, где эсэсовцы устраивали «аппели» — переклички заключенных,— заставляя их стоять по многу часов на жаре, в дождь, в холод, идет сейчас митинг. Речи короткие, злые. Против атомной бомбы! Против Шпейделя! Против слета эсэсовцев, который собираются провести в Западной Германии! Против фашизма!

Возвращаясь в Веймар, проезжаем мимо высокой башни, которая еще в строительных лесах. Это сооружается памятник Бухенвальду. На верх башни поднимут большой колокол, который уже отливают веймарские колокольных дел мастера. Этот колокол будет звонить ежедневно два раза в сутки — утром и вечером, в часы, когда заключенных сгоняли на «аппель».

— Пусть звонит колокол! — восклицает Мари-Клод.— И погромче! Пусть услышат его не только в Веймаре. Пусть слышат этот колокол во всем мире...

ТАКОЙ СТАЛА БЕЛОРУССИЯ

К. Т. МАЗУРОВ

Кандидат в члены Президиума ЦК КПСС, первый секретарь ЦК компартии Белоруссии

Вопрос. С какими итогами приходит Белоруссия к 40-летию Великого Октября?

Ответ. Если вы откроете соответствующий том и страницу старой, дореволюционной энциклопедии, то увидите, что Белоруссии там отведено место в несколько раз меньше, чем заповеднику Беловежская пуща. Да и в тех немногих строках, по существу, выражено сомнение в существовании белорусского народа как нации. Вот вам та деталь, по которой можно судить, что же представляла собой Белоруссия 40 лет назад. Белорусский народ до Великой Октябрьской социалистической революции не имел своей государственности, у него не было своей промышленности.

Теперь Белорусская Советская Социалистическая Республика — страна автомобильной, тракторной и станкостроительной промышленности, сельскохозяйственного машиностроения, производства дорожных, строительных, швейных машин, телевизоров, хрусталя, технического стекла, часов, высококачественных шерстяных тканей, трикотажных изделий и обуви...

Все большее количество промышленной продукции Белоруссии поступает не только в различные районы страны, но вывозится и за ее пределы. В странах народной демократии, да и в других государствах уже давно известны наши большегрузные автомобили с зубром на капоте мотора, колесный трактор «Беларусь», радиоприемники, мощные насосы и т. д.

В Белоруссии производится грузовых автомобилей больше, чем в Австрии, Дании, Ирландии, вместе взятых. А если сравнить нашу республику с такой развитой капиталистической страной, как Франция, то Белоруссия по производству металлорежущих станков (в физических единицах) на душу населения примерно в три раза превосходит Францию.

Занимая сотую часть территории Советского Союза, на которой живет четыре процента всего населения страны, Белоруссия в 1956 году дала 8,3 процента металлорежущих станков, 10 процентов мотоциклов, 16 процентов велосипедов, более 7 процентов оконного стекла от общего объема производства этой продукции по СССР в целом. Торфа добывается в республике 13 процентов от всей добычи по стране.

Кстати о добыче торфа. Раньше, до революции, это был тяжелый, исключительно ручной труд. Теперь добыча фрезерного торфа механизирована на 100 процентов.

Белорусские колхозы дают пятую часть всего производящегося в стране льноволокна. Колхозы и совхозы поставляют все больше картофеля, овощей, мяса, молока и других продуктов питания и сырья для промышленности. Но у нас еще не все резервы исчерпаны. Добиваясь полного использования этих резервов, устраняя имеющиеся недостатки, мы боремся за то, чтобы в наиболее короткий срок выполнить задачу, поставленную партией: догнать и перегнать США по производству важнейших продуктов питания — мяса, молока и масла — на душу населения.

Разительны перемены в культурной жизни белорусского народа. В одном городе Борисове, районном центре, теперь больше технической интеллигенции, чем ее было во всей дореволюционной Белоруссии. Ведь 40 лет назад в Белоруссии было буквально несколько десятков инженеров. Теперь же в народном хозяйстве республики занято более 11 тысяч дипломированных инженеров и 22 тысячи техников.

В Белорусской Академии наук, в многочисленных исследовательских институтах республики ученые решают сложные проблемы науки и техники. В 24 вузах (до революции не было ни одного) готовятся национальные кадры инженеров, врачей, педагогов.

Веселее стало жить на белорусской земле. За последнее время особенно заметно поднялся жизненный уровень трудящихся республики. А ведь сколько горя пришлось им испытать в тяжкую военную пору, сколько ран нанесла их родному дому война! Из 40 лет советской жизни Белоруссии только половина посвящена мирному социалистическому строительству. Примерно 20 лет белорусский народ вынужден был воевать или заниматься ликвидацией последствий войны.

Вопрос. Известно, что за последнее время расширились права союзных республик. Что дало это расширение Белоруссии?

Ответ. Прежде всего необходимо оговориться: наша республика всегда была равноправным членом Союза Советских Социалистических Республик. Более того: она представлена в различных международных организациях, например, в ООН.

Но в результате дальнейшего развития социалистического многонационального государства и его экономики стало целесообразным и даже необходимым предоставить союзным республикам еще более широкие права в управлении народным хозяйством, в том числе и промышленностью, имеющей общесоюзное значение. Теперь союзные республики решают все или почти все хозяйственные вопросы с учетом экономических, национальных и иных особенностей каждой республики или экономического района.

В Минске имеется много крупных предприятий. Но, разъединенные ведомственными барьерами, эти предприятия были плохо связаны между собою, мало друг другу помогали и не кооперировали свое производство. Тракторный завод, например, поставлял стальное литье другим предприятиям своего министерства, расположенным в Петрозаводске, Владимире, Ташкенте, в Алтайском крае, но не давал стального литья Минскому автозаводу, который в этом остро нуждался. Автозавод, в свою очередь, из 163 наименований отливок ковкого чугуна 27 вывозил далеко за пределы республики, но ни одного вида отливок не давал тракторному заводу.

Болты, шплинты, гайки, шайбы и другие стандартные мелкие детали каждое предприятие изготавливало само для себя, занимая под это производство в основном универсальное оборудование. Отсюда лишние затраты; в целом по республике они ежегодно составляли несколько миллионов рублей. Теперь изготовление крепежных деталей сосредоточивается на одном предприятии, которое будет оснащено соответствующей техникой.

Добычей торфа в Белоруссии занимались 10 различных министерств и ведомств; заготовкой леса — более 30 министерств и ведомств. Зачем нужна такая раздробленность сил и техники?

Так было. Теперь же, после создания в БССР единого экономического района с Совнархозом, ведомственные барьеры ликвидированы. Руководство промышленностью и строительством сейчас приближено к производству. Открылись и выявляются все новые резервы и возможности дальнейшего развития народного хозяйства республики.

Наделенная большими правами и самостоятельностью в решении вопросов управления промышленностью и строительством, Белоруссия в ближайшее время, несомненно, увеличит выпуск всех видов промышленной продукции.

Эти исторические перемены в конечном итоге будут способствовать быстрому подъему благосостояния народа.

Вопрос. Расскажите о перспективах экономического развития республики.

Ответ. Это настолько большой вопрос, что коротко можно сказать об очень немногом.

Изучение и освоение природных ресурсов БССР опровергло некогда господствовавшее мнение о бедности недр Белоруссии. Для дальнейшего комплексного развития народного хозяйства республики большое значение имеют обнаруженные и разведанные в последние годы богатейшие месторождения калийных и каменных солей. В Белоруссии открыты залежи нефти, идет разведка угля. Поистине неисчерпаемым источником топлива и химического сырья является торф, который занимает около 13 процентов территории БССР. У нас есть крупные месторождения высококачественных кварцевых песков, доломитов, мела и тугоплавких глин.

Развитию экономики республики будет способствовать строительство на ее территории в шестой пятилетке новой Василевичской и других электростанций, нефтеперерабатывающих заводов, предприятий шерстяной, льняной, сахарной и других отраслей промышленности, использование природного газа, который нам отпускает братская Украина.

Наконец, несколько слов о самом ближайшем будущем. Объем государственного жилищного строительства в 1957 году по сравнению с минувшим годом возрастет на 34,7 процента. Темпы строительства жилья будут возрастать из года в год. В нынешнем году предусматривается увеличение продажи населению республики шерстяных тканей на 46 процентов, кожаной обуви — на 29 процентов, трикотажа — на 59 процентов, сахара — на 38 процентов, молока — на 35 процентов. Продажа мяса увеличится в 2,4 раза. Это результат первых серьезных успехов наших животноводов.

Во всем этом белорусский народ видит еще одно подтверждение того, что Коммунистическая партия, ее ЦК ведут нашу страну правильным курсом, намеченным XX съездом партии. Оторвавшиеся от народа, его нужд и запросов фракционеры Маленков, Каганович, Молотов пытались изменить политику партии. Верный ленинским принципам, ЦК КПСС разгромил антипартийную группу. Коммунисты, беспартийные, весь белорусский народ, как и все советские люди, единодушно одобрили решения июньского Пленума ЦК КПСС. Они знают, что партия вела и ведет советский народ правильным, ленинским путем и никому не удастся сбить его с этой верной дороги к счастью.

СТОРОНА ЛЕСНАЯ, ПАРТИЗАНСКАЯ

Владимир Петрович Наумович.

В. ПОНОМАРЕВ

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Было время, когда миллионы людей читали в газетах:

«Белорусские партизаны продолжают активную борьбу в тылу врага. На днях один из отрядов барановичского соединения...»

Как же теперь живет та лесная, столько выстрадавшая партизанская сторона?

Мы хотим рассказать о том, что увидели за несколько дней, проведенных в Кореличском районе, в колхозе имени Красных партизан на западе Белоруссии.

Затерявшиеся в лесах деревни Новое село, Синявская слобода, Погорелки, Антанево, Лядки... Иные из них раскинулись по зеленым берегам Немана, который там еще и не очень широк. Светлой лентой петляет и петляет река.

Названия деревень часто подсказывают их историю: они горели. Иные села фашистские каратели сжигали по нескольку раз, даже печи разрушали. А теперь тут все отмечено домовитой обжитостью. Возвратившись из леса, люди строились на старых местах, подлечивали деревья в садах, очищали колодцы, пробивали заросшие бурьяном тропки. И жизнь снова потекла, как чистые воды Немана, становясь все шире, привольнее и год от года зажиточнее.

— Я тоже построил дом на старом месте,— сказал нам рабочий колхозной пилорамы 57-летний Владимир Петрович Наумович.

В час отдыха он вышел посидеть у порога родной избы, по-

дышать свежим воздухом и охотно поведал нам о своей жизни.

Если прийти в колхоз и спросить Владимира Петровича, все будут переспрашивать, какой он из себя да где бывал. Но если спросишь про «большевика», ответят мгновенно. С давних пор так зовут Владимира Петровича. Может, он крупный политический деятель? Нет. Голодная жизнь выгнала его еще юношей из деревни и привела в Питер. Там Владимир устроился учеником на завод, стал питерским рабочим, участвовал в Февральской революции, в Октябрьские дни был в Красной Гвардии, отбивал у юнкеров телефонную станцию, охранял Смольный, видел Ленина.

— А потом вернулся в деревню. Как знаете, Западная Белоруссия подпала под панов... Вздохнули лишь в тридцать девятом. И вот, война. Понятное дело, уходил в лес.

— Как теперь живете?

— Лучше, чем когда-либо в жизни! Может, найдутся колхозы побогаче нашего и деревни покрасивей. Не может, а наверняка. Но ведь до тридцать девятого жизнь была такая, что хоть с сумой по миру иди. А теперь в колхозе хорошо зарабатываем и хлеба, и денег, и картофеля с овощами. Народ наш работящий. Год от года достаток в артель и в каждый крестьянский дом входит все прочнее. Дом, как видите, у меня не маленький, но выросли сыновья, поженились, пошли внуки — и теперь нужно строить другой, для потомства.

Улыбнувшись, Владимир Петрович добавил:

— Вы в приметы не верите? Я тоже не верю. Но тут дело не в примете, а в законах природы. Знаете, в войну, когда кругом была гарь, тут аистов не видели, не гнездовались они на пепелищах. А нынче, смотрите, сколько хат себе понастроили в наших деревнях эти «святые» птицы! В ином гнезде по четыре птенца — а обыкновенно должно быть по два. Старики утверждают, что примета отрадная.

И судьба молодого, быстро расправляющего крылья колхоза предстала перед нами в воспоминаниях о прошлом, в красноречивых свидетельствах нынешнего и разговорах о грядущем.

Настоящее было в очень удачливых озимых и яровых хлебах, в богатых сенокосах, ветряных двигателях, новых скотных дворах и больших фермах молочного скота, лошадей, птицы, овец, в шуме пилорамы, колхозных тракторов и автомобилей.

Будущее угадывалось в закладываемых фундаментах новых построек, какие сменят наспех поставленные дома; после землянок любая хата — дворец. Но больше всего будущее виделось в добром настроении людей.

Завтра этого колхоза представилось на выпускном вечере в местной десятилетке, в случайной встрече на дороге с подругами, вернувшимися домой после окончания минского Института народного хозяйства — Ниной Малышко и Елизаветой Чубрик. Попутная машина, подбросившая их, пылит уже далеко, а они все стоят на дороге, зачарованно разглядывая свои Лядки, подновившиеся свежими крышами.

О партизанских делах и войне нам напомнили только ребятишки. Мальчишки остаются мальчиш-

Встреча в поле.

→
С пастбища.

— Ура-а-а!!

— Вот моя деревня...

ками. Нарядившись в газетные пилотки и вооружившись самодельным оружием, они на лесной опушке разыгрывали партизанские сражения.

А теплыми летними вечерами молодежь собирается на берегу Немана — костры, музыка, песни, хороводы. Девушки плетут венки и со своими девичьими надеждами, ожиданиями, тайнами и мечтаниями опускают их, по народному обычаю, на студеные воды Немана и следят за движением кругов из цветов, которые, по старому поверью бабок и матерей, подсказывают судьбу. Но судьба внучек и дочерей ясна, и для них это не гадание, а только игра.

...Заря угасает. Пропал вишневый отблеск на сонном растянутом облачке, а песни над Неманом все льются и льются. И кажется, что они разливаются по всей Белоруссии.

Как хороши они, эти песни!

Телевизионным глазом

Диспетчер сортировочной станции, расположенной близ Ленинграда, приступил к очередному дежурству. Он включил телевизор, н на экране тотчас появилась знакомая панорама станции. Стальные пути веером уходили вдаль. Взад и вперед сновали паровозы. Вот показался товарный поезд. Один за другим замелькалн вагоны. Номера, обозначенные на них, дежурный читал во время движения состава и мог оперативно вмешиваться в процесс формирования поездов. Диспетчер отдавал по радио указания и видел, как их выполняют...

Каким же образом все, что происходит на путях, отражается на экране телевизора? Вам, быть может, прихэдилось видеть поздним вечером на больших станциях высокие мачты с включенными прожекторамн? Так вот, если на этнх самых прожекторных мачтах установить передающие телевизионные камеры, то их объективы охватят довольно обширную панораму и передадут ее изображение на экран телевизора. Переход с одного изображення на другое может быть произведен иажатием кнопки.

Оптический глаз телевизионного устройства оказался всемогущим. Он обозревал не только работу железнодорожной станции, конвейерных лент на обувной фабрике и мартенов на металлургическом комбинате, но даже видел, что происходит на воде и под водой.

Теплоход, вышедший из Одесского порта, вдруг ощутнл вибрацию в корпусе. Это встревожило капитана. Он приказал детально выяснить причины такого неприятного явления. На стоянке в очередном порту открыли турбины, осмотрели отдельные узлы н части механнзмов. Но ничего не нашли. Корабль вышел в море, однако вибрацня корпуса продолжалась. Что делать? Оставалось еще осмотреть подводную часть корабля, но в экнпаже не было водолаза. И тут попыталнсь использовать телевидение. На борт теплохода поднялся инженер и установил на капитанскм мостике телевизионную аппаратуру. И на экране телевизора появилось изображение подводной части судна, причем настолько ясно, что были заметны даже ракушки, облепившие днище. В кормовой части, там, где находился гребной винт, капитан увидел поврежденную лопасть; она выглядела так, точно ее обрубили... Капитан удивленно посмотрел на инженера, стоявшего у телевизора. Откровенно говоря, он никак не ожидал увидеть это под водой. Пришлось сменить гребной винт.

Не менее отчетливо передавались изображения на экран телекамерами, установленными в закрытых производственных помещеннях.

На Магнитогорском металлургическом комбинате телевизионные устройства попробовали смонтировать в металлургнческих цехах. И оказалось, что телевизионный глаз может запечатлевать на экранах многие производственные процессы: просматривать площадки у мартеновских печей, работу завалочных машин, контролировать ход плавления металла, выпуск жидкой стали из мартенов и розлнв ее в изложницы. Прокатчики наблюдали за тем, как раскаленные болванки движутся к валикам блюмингов...

Новые приемы обработки хорошо видны на экране видео-приемного устройства.

Задолго до того, как магнитогорские металлурги пытались использовать телевидение для совершенствования организации производственных процессов, в Ленинграде, в Академии медицинских наук имени С. М. Кирова, с помощью телевидения показывали медикам процесс сложнейшей операции. Профессор Иван Степанович Колесников оперировал у больного рак легкого. Желающих наблюдать за операцией было много, но, кроме ученого и его ассистентов, в хирургической никто не присутствовал. Профессор имел возможность более внимательно сосредоточнться. Однако все, что происходило в операционной, обозревалось врачами, курсантами и студентами вузов далеко за ее пределами. Вблизи операционного стола находилась телевизионная камера, которая посылала изображение в автобус-телепередвижку, стоявшую во дворе академии, а отсюда это изображение передавалось на экраны телевизоров, установленных в коридорах и учебной аудитории...

Токарь обрабатывает деталь
Фото Б. Уткина.

Все эти опыты, связанные с применением телевидения в промышленности, судовождении, медицине, проведены инженерами и техниками телевизионного научно-исследовательского института. Они позволилн группе специалистов под руководством В. С. Полоника создать серию экономичных телевизионных устройств специально для промышленных целей. Одиа из них — «ПТУ-0» работает в дневное время или при достаточном освещении в помещениях. Это портативная и удобная в эксплуатации установка. Ее передающая камера находится на расстоянии 100—150 метров от приемной аппаратуры.

Изображения от установок «ПТУ-1» н «ПТУ-2» могут передаваться на экраны телевизоров, расположенных на расстоянии до одного километра.

Первую серию установок «ПТУ-0» выпустил один из подмосковных заводов. Сейчас лаборатория института ведет опыты по применению в промышленности объемного и цветного телевидения.

К. ЧЕРЕВКОВ

Минск. Стадион «Динамо». Фото И. ТУНКЕЛЯ.

СТОЛИЦА БЕЛОРУССКАЯ

Минск — это очень древний город, он старше Москвы. И в то же время Минск очень молод: со дня его второго рождения не прошло и пятнадцати лет. Знакомишься с этим одновременно старым и юным городом и дивишься: просто не верится, что здесь в 1944 году едким дымом курились пепелища и что города фактически тогда не существовало. Сорок лет назад дореволюционный Минск был заштатным городком глухой окраины царской России, а вся промышленность его состояла из мастерской, изготовлявшей ограды к могилам, небольшой фабрики, поставлявшей пиво, и прочего мелкого кустарного промысла...

Какой большой он, нынешний Минск!

Прямые, широкие улицы — сотни улиц, каких не знал довоенный город! Ласковая зелень парков и скверов, величавая строгость и разнообразие площадей и кварталов, мощные корпуса индустриальных гигантов и совсем новенькие жилые дома, которые все строятся и строятся.

Минск прочно вошел в группу ведущих промышленных центров страны. Его заводы и фабрики выпускают самые крупные в Советском Союзе сорокатонные автомобили и самые маленькие часики «Заря». Тракторы и шарикоподшипники, станки и радиоприемники, телевизоры и мотоциклы, первоклассные шерстяные ткани и башенные краны, велосипеды и железобетон... Нет, всего не перечислишь!

А как богата культурная жизнь белорусской столицы! Здесь и Академия наук, и множество научно-исследовательских институтов, и университет, вузы и техникумы, театры, дворцы культуры, заводские клубы, библиотеки, музеи, киностудия...

И снова вспоминаешь: совсем недавно здесь были только руины.

Хорош, очень хорош нынешний Минск, который являет собой одну из отрадных примет великих благ, полученных белорусским народом в дружной семье народов Советского Союза благодаря заботам Коммунистической партии.

«Огонек».

На проспекте имени Сталина.

Автозаводцы решили сфотографироваться на своем детище — сорокатоннике.

Круглый конвейер на Минском часовом заводе.

Она будет инженером.

...одцы выдали очередную
...тракторов «Беларусь».

Тамара Ткач работает в совхозе «Новый путь», под Минском.

МОЦАРТ

Рассказ

Вл. ЛИДИН

Жена одевалась в спальне, и Березников присел пока за рабочий свой стол просмотреть вечернюю газету. В театр или концерты он ходил с женой редко, всегда после утомительного дня в операционной больше всего хотелось побыть дома, но на сегодня жена взяла билеты заранее, и он подчинился традиции: обычно он никогда не помнил дат семейных событий, особенно столь далекую дату дня их свадьбы; но жена помнила все женской неслабеющей памятью, каждый раз переживая по-новому эту ныне уже казавшуюся невероятной по своей давности тридцать вторую или даже тридцать третью годовщину...

— Ты все-таки поторапливайся, Надюша... восьмой час,—сказал он, перелистывая газету.

Конечно, приятнее было бы полежать на диване, кое-что продумать из дел минувшего дня, потом сесть за вечерний чай. Год шел за годом, и Березников давно уже привык к распорядку своей жизни, привык и к тому, что жена всегда ждет его возвращения, всегда успела к его приходу приготовить обед, все в доме прибрано ее руками, и она живет его жизнью, разделяет с ним все его тревоги и незадачи и радуется его радостям. Годы стирают остроту чувств, и привычка заменяет со временем страсти и бури молодости...

Он просмотрел газету, снял очки и, закинув руки за голову, на минуту утомленно закрыл глаза: все в тихой теплой комнате располагало к вечернему отдыху.

— Я готова,— сказала жена из спальни.

Он посидел еще минуту с закрытыми глазами, потом поднялся и прошел к жене. Она стояла перед тройным зеркалом, в вечернем платье, со своими серебряными волосами, которые не старили, а даже как-то молодили ее. В комнате пахло духами, и Березников сразу узнал духи, которые когда-то привез ей из Парижа, куда ездил на конференцию хирургов.

— М-да-с! — сказал он чуть озадаченно, оглядев в зеркале себя, невысокого, озабоченного, с седеющим бобриком.— Пожалуй, тебе и неудобно идти в концерт с таким замухрышкой.

Она улыбнулась, довольная, что не все еще растеряла из женской своей красоты на дороге испытаний и времени.

— Ты для меня всегда самый лучший, Николенька,— сказала она любовно.

Она хотела прийти в концерт во всеоружии женщины, пусть это будет закат, но ведь и закату даны свои права, и Березников устыдился, что без удовольствия думал о предстоящем вечере.

— Гм! — привычно гмыкнул он, старый скептический врач.— Поверим в преувеличения. Так что же, идем?

Рисунок А. Ливанова.

Она оглядела себя в последний раз в зеркале и потушила свет. Березников помог ей в передней надеть старенькую беличью, местами вытертую шубку, досадливо подумав, что и в нынешнем году он так и не купил ей новой, хотя и собирался это сделать два года подряд; но жена не напоминала, зная, что это не так-то легко, а потом наступала зима, и все откладывалось до следующего года...

Музыку Березников любил в ту меру, в какую любят ее не слишком музыкальные люди, благодарные ей главным образом за то, что она приносит душевное успокоение. Обычно музыка пробуждала в нем какие-то свои, отрешенные мысли; но так как музыка все же влияла на него, то мысли эти были возвышенны, всегда что-то поднималось в душе, и тогда даже его профессия врача становилась как бы по-новому освещенной: врач служил делу жизни, а музыка призвана прославлять жизнь. Отдаваясь своим мыслям, он любил вместе с тем наблюдать за людьми вокруг, слушающими музыку. Большинство тоже уходит в себя, выражение лиц одних становится сосредоточенно-нежным, лица других полны раздумья.

Как-то, уже в далекую пору, Березников подарил жене брошь — крохотную миниатюру на кости, оправленную в серебро, и жена всегда надевала ее в день их свадьбы. Была и сейчас эта брошь на ней, похожая на сколок ее серебряных волос, и Березников, слушая музыку, старался все же вспомнить, какая же в действительности сегодня годовщина их свадьбы — тридцать третья или, может быть, уже даже тридцать четвертая...

В самом начале войны погиб на фронте их сын Александр; с тех пор что-то надломилось в жене, она стала как-то внутренне притихшей, и Березников с суровой прямотой решил, что она мудро примирилась с потерей, как примирились со своими потерями тысячи и тысячи матерей. Но три года назад произошло и еще одно разлучение: вышла замуж дочь Ольга, уехала с мужем-инженером на Дальний Восток, и Березников с женой остались одни, как это тоже происходит с тысячами и тысячами родителей, перед которыми дети сразу ставят задачу — начать как бы заново жизнь на склоне лет...

Он слушал музыку и щурился — так остры были эти воспоминания: одно — когда в ноябрьский, непомерной хмурости день пришло извещение о гибели сына; другое — совсем недавнее, свежее, когда на Ярославском вокзале провожал он с женой дочь, уже тревожно оживленную молодую женщину, еще вчера девочку Олю, и он с болью всматривался в ее дорогие черты и с мужской гордостью сдерживал себя, чтобы не отвести в сторону этого совсем еще не распознанного им инженера Погожева, ставшего мужем Оли, и сказать ему, что вот он увозит его дочь и обязан сделать ее счастливой, потому что иначе сломает ее жизнь, а вместе с нею и их, родителей, жизни. Но поезд отходил, были последние восклицания и пожелания, жалко трепыхавшийся в воздухе мокрый платочек жены, заплаканное лицо дочери уплывало все дальше и дальше, и Березников только тогда осознал, что почти бежит по перрону как бы вслед увозимой юности дочери...

Потом они с женой вернулись домой, и жена опять стиснула в себе все и стала готовить вечерний чай, теперь уже только для него одного, оставшегося для нее в опустевшей квартире...

Он подавил глубокий вздох, чтобы жена со своей чуткостью не поняла происходящего в его душе. Но лицо жены было слегка откинуто, она вся была как бы устремлена навстречу музыке, и он снова забылся и задумался... Он думал теперь о том, что стал с годами менее чувствителен к испытаниям, профессия хирурга приучила его действовать решительно, не останавливаясь на полпути, и что, может быть, так должен поступать человек и в личной своей жизни: что прошло, то прошло, и прошлого не вернешь никакими воспоминаниями и сожалениями. Ему казалось, что давно так же размышляет и жена: во всяком случае, она всегда держалась с той внутренней выдержкой, какую он глубоко уважал в ней и считал единственно благоразумной. Но все же не пропустил ли он в своей жизни нечто самое главное, и Березников не мог уяснить себе, почему именно сейчас задумался над этим. Может быть, потому, что как-то незаметно подошла эта немыслимая по давности очередная годовщина их свадьбы?

Он покосился на жену, увидел ее маленькое розовое ухо с жемчужиной в мочке, и что-то столь родное и глубоко необходимое ему было в этом маленьком ухе, сохранившемся в девической прелести, что от горькой нежности у него на миг даже перехватило дыхание... Все, все пережила она с ним, жена: и потери, и горечь неудач, и радости,— самая верная душа, самый близкий спутник его жизни. Конечно, он любил ее, но любовь давно перешла в ту привычку, когда все казалось

ему естественным — любая забота о нем, любое беспокойство, если почему-либо он запоздал или случались в его жизни врача какие-либо осложнения. Надевая перчатки в залитой ослепительным светом операционной, он вряд ли вспомнил хоть раз, что жена, знавшая о предстоящей ему трудной операции, беспокоится, встала пораньше, чтобы к моменту, когда он сядет за утренний завтрак, было все уже готово, и готово именно так, как он любит: и кофе заварен так, как он любит, и даже хлеб подсушен так, как он любит... Он не сознавал никогда, что, в сущности, она постоянно рядом с ним, даже во время операций, и что необходимое душевное равновесие поддерживает в нем именно она своим всегдашним незримым присутствием.

Он думал об этом, почти не слушая музыку, и вдруг понял, что именно музыка подняла на поверхность дремавшее в его душе. Это был Моцарт: певучие, трогательные, почти наивные звуки, похожие на звуки клавесина, отчерченные такты, создающие особую прозрачность, колыбель младенчества гармонии, из которой рождались и страстная патетика Бетховена и мелодический песенный Шуберт... Он чувствовал, как его душа словно расширяется навстречу этой нежной, похожей на полет мотыльков или бабочек, никогда не стареющей музыке Моцарта. Все, что было нанесено годами испытаний, как бы стиралось, и он уже не дивился выражению лица жены, полному сосредоточенного восхищения.

Он видел ее юной, как в давние годы... Где-то на маленькой станции, неподалеку от Москвы, сошел прохладным майским вечером он с поезда, тогда молодой студент-медик, и Надя ждала его, смущенная и счастливая, но они оба еще не смели открыться друг другу, хотя уже знали, что не могут друг без друга жить. Моцарт нес с собой и прохладу того далекого майского вечера, и забытое чувство первой любви, и, казалось, даже запах ландышей, которые набрали они тогда по дороге... Теперь Березников снова думал о дочери: пройдут годы — может быть, его уже не будет на свете, старого хирурга,— но суждено ли ей узнать такое же постоянство любви и радость нестареющих воспоминаний? Он хотел этого со всей страстью отцовского сердца и боялся взглянуть на жену, чтобы та, умевшая все понимать, не угадала его мыслей.

— Чудесно,— сказала она, повернув к нему лицо с сияющими глазами.— Правда, чудесно?

В зале хлопали, Моцарт окончился.

— Да... — пробормотал Березников.— Отличная вещь...

Она вгляделась в него и стала засовывать в сумочку программу.

— Знаешь что, Николенька... ведь я только и хотела послушать Моцарта, второе отделение не так уж интересно. Ты устал, у тебя был трудный день, да и я отвыкла ходить в концерты.

Она не дождалась его согласия или возражения и, поднявшись, легкой походкой пошла к выходу.

Дома, пройдя к себе в кабинет, Березников остановился перед своим письменным столом. Свет низкой лампы освещал зеленое сукно и две фотографии: на одной была жена в годы молодости, на другой — склоненные над большой книгой мальчик и девочка — их дети, их жизнь... Мальчика уже не было, девочке предстояло вскоре стать матерью. И это самое важное, необходимое, сложное пережила с ним и жена, в душе которой, может быть, также из самых глубин подняла все на поверхность музыка.

Он постоял минуту у стола, глядя на фотографии. Потом он прошел в спальню. Жена сидела на постели, не сняв вечернего платья и, сцепив на коленях руки, смотрела перед собой. Ее белые волосы были чисты, ее маленькое ухо порозовело.

— Надя,— сказал он, беря ее за руку,— душа моя... только с тобой, всегда с тобой. Мы стали стариками, но ведь мы прожили прекрасную жизнь, мы все пережили вместе — все горе, все радости.

Он несколько раз поцеловал ее ладонь, уже не скрывая своего лица и глаз с влажными ресницами. И все, о чем они ни разу не говорили друг другу, большое и трудное, пережитое ими, сменилось тем тонким, прозрачным и легким, что никогда не стареет и не умирает, как и музыка...

ИНДИЯ СЕГОДНЯ

Эти снимки прислал в редакцию «Огонька» индийский фотокорреспондент П. Н. Шарма. В сопроводительном письме он выражает надежду, что фотографии помогут советскому читателю представить себе некоторые черты сегодняшней жизни его родины, которая 15 августа отмечает свой национальный праздник — День независимости и свободы

П. Н. ШАРМА

Премьер-министр Неру на открытии нового центра общинного развития и взаимопомощи в деревне неподалеку от Дели. Программа общинного развития является одной из форм улучшения жизни в сельских районах страны. Суть ее в том, чтобы с помощью правительства, а главным образом за счет внутренних сил самих деревень строить дороги, колодцы, каналы, школы, повышать уровень агрономических знаний крестьян и т. п.

Строительство дороги Батала-Биз. Эту дорогу крестьяне строят в соответствии с программой общинного развития.

Вступила в строй Хиракудская плотина на реке Маханади в штате Орисса. Это — одно из самых больших сооружений в Индии. Воды бурной реки, причинявшей большие бедствия во время наводнения, усмирены. Они пойдут на поля крестьян и помогут оросить свыше 400 тысяч гектаров земель. Они будут приводить в движение турбины мощностью в 123 тысячи киловатт.

Г-жа Мохини Рао приехала в Москву прошлой осенью и работает диктором московского радио. Каждый день в 18 часов 45 минут по московскому времени она садится у микрофона, чтобы начать очередную передачу на языке хинди.

Фото О. Кнорринга.

...А в это время в далеком Дели у приемника собираются ее дети. Они до самого конца передачи слушают голос своей мамы, доносящийся из советской столицы, и только после этого идут спать.

В мастерских Индийской авиатранспортной корпорации. Это одна из двух государственных авиакомпаний, линии которой связывают главные города страны.

Индия, как известно, многонациональное государство. В разных районах страны свои обычаи, своя характерная одежда, свои танцы и песни. Здесь вы видите юного танцора из Пенджаба — района, пограничного с Пакистаном.

А это танцоры из племени нага, проживающего на другом конце Индии, в штате Манипур, неподалеку от границы с Бирмой. Они исполняют воинственный танец.

Скопинский корень

Василий ТИТОВ

Фото Б. КУЗЬМИНА.

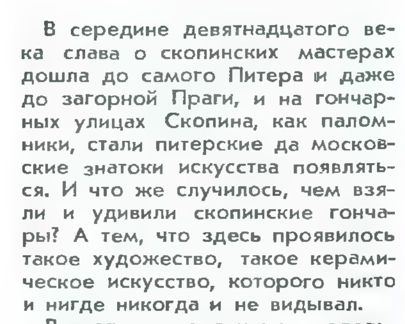
Есть на рязанской земле маленький городок Скопин. Его история крепкими корнями уходит в тучную почву седой русской старины. Глубок этот корень! Спросите любого жителя, и он вам охотно расскажет о Косоге, вольном человеке, что первым сюда лет восемьсот — девятьсот назад со своей боевой ватагой из далекого Тмутараканья пришел и на реке Верде в «медвежьем углу» городок заложил. Расскажет он и о том, какой тревожной и долгой жизнью жил в те поры этот городок на краю разбойной кочевой степи и отшумевшего уже свое великого русского лесного океана. Только все же не в этом коренная история города. Коренная история Скопина начинается с «синюхи».

Что такое «синюха»? А вот! Это большой, литра на два — на три, высокий, пузатый, совсем не облитой горшок, с высоким и широким горлом, который теперь крынкой или махоткой называют. На Рязанщине, в деревнях, да и в других местах, например, на той же соседней Тульщине, сельская женщина и сейчас в магазине ни за что не возьмет крынку или махотку из стекла, если на полке рядом стоят глиняные «синюхи». Почему? Да потому, что стеклянная крынка или даже целиком облитая глиняная махотка не «дышут»! А раз так, то не жди, что в такой посуде молоко долго свежим простоит и настой сметаны будет достаточным. А уж о томлении молока и говорить нечего. Так вот что такое «синюха». И вот она-то и есть тот главный и основной корень Скопина, из которого он расти начал.

Рассказывают, что там, где теперь стоит малая деревенька Пупки, открыл какой-то старец такую дивную да чистую глину, что не удержался от соблазна творить,— вылепил из этой глины первый десяток горшков, горн в огороде поставил, обжег горшки как-то так, по-своему, что они синими стали, собрал весь свой род и сказал ему:

— Город только тот стоит и тот город нужен, где народ ремесла знает и умеет. Вот вам ремесло, отныне им город и поднимайте.

Да тут и передал секрет «синюхи» из рук в руки внукам и правнукам своим. С тех пор, как утверждает скопинская молвь, и пошел городок в рост и в Скопин вырос, а «синюха» век за веком не то что до Москвы, а даже и до приморского Азова отсюда возами катилась.

В середине девятнадцатого века слава о скопинских мастерах дошла до самого Питера и даже до загорной Праги, и на гончарных улицах Скопина, как паломники, стали питерские да московские знатоки искусства появляться. И что же случилось, чем взяли и удивили скопинские гончары? А тем, что здесь проявилось такое художество, такое керамическое искусство, которого никто и нигде никогда и не видывал.

Вначале на весенних недельных базарах в Москве — на грибном и цветочном рынках,— а потом и в других местах робко показались, как первые цветы, такие диковинные, тонкой работы вазы, кувшины, кубки, «холодцы-квасники» и другие гончарные лепные изделия, что их стали брать нарасхват даже за самую неробкую запросную цену. А потом изделия эти пошли и погуще. Они стали появляться уже десятками и сотнями на многих столичных базарах. Простой глины эти изделия, облитые прочной цветной поливой, поражали такой цельностью общей формы и замысла, такими легкими и целесообразными пропорциями частей и разнообразием силуэта и выдумки, что крупнейшие знатоки и ценители керамики заявили в один голос: такого еще ни у одного народа в гончарном искусстве не было и нет. Главным образом это были сосуды. Но как они были сделаны! Своеобразно исполненные звери, птицы и рыбы поддерживали на своих плечах, крыльях и головах эти сосуды. На других сами сосуды изображали то птиц, то зверей, то рыб.

Один из устроителей первого в Москве универсального магазина «Мюр и Мерилиз», что и сейчас стоит еще на Петровке и называется «ЦУМ», англичанин по происхождению и тонкий ценитель керамики, каждую весну отправлялся на цветочный и грибной базары Москвы самолично и, еще не доходя до рынка, спрашивал: «Где тут скопинский горшечный майстер есть?»

Впервые скопинские «художества» сам я увидел всего каких-нибудь лет двадцать пять назад: вначале в частных собраниях московских любителей керамики, затем в хранилищах Исторического музея.

А в тот же год неожиданно я получил письмо из Скопина. Писал мне старый друг, прежний школьный товарищ, Иван Александрович Рябикин, который там учительствовал: «Приезжай, напою тебя чаем из такого особенного самовара, что удивишься ему, и мы с тобой будто в самом Китае побываем и там чайку попьем. А еще сведу я тебя с такими гончарами, что надолго запомнишь их, а гончарное дело полюбишь и сам».

Я поехал.

Городок маленький, скромный, улицы все под прямым углом идут. В самый жаркий весенний день на улицах над домами стоят столбами крутые дымы.

— Все жаркие мастера греются! — шутливо объяснял мне приятель закономерность этих дымов в жаркий день.— Где дым столбом, там и гончарный корень.

Чайку мы и впрямь попили из такого дивного самовара, какого, признаться, потом нигде и никогда я уже не встречал. В садочек на столик под вишенки вынес его уже пожилой и давно прославленный мастер Михаил Никитич Пеленкин. Мастер был в расцвете творческих сил, и все тогда к нему тянулись. А самовар, попыхивая аппетитным паром, стоял на столе и легонько позванивал крышкой.

— Сына Михаила работа,— сказал, кивнув на самовар, Михаил Никитич.

Помню, как я тогда впросак попал, сказав такое:

— Да у вас в семье, Михаил Никитич, не только гончары, а и медники имеются?

И тут все за столом расхохотались: «Медники!»

— Медники! — смеялся и хозяин.— Да вы поглядите хорошенько на самовар-то!

И когда я разглядел — удивился: самовар-то весь был начисто сделан из глины.

За долгим тем чаем заговорили о делах артели «Керамик».

Войны — первая мировая и гражданская — нанесли большой урон скопинским промыслам. До этого в Скопине сто пятьдесят горнов пылало, двести мастеров возле них работало. А после войн многих мастеров-художников и просто гончаров домой не вернулось, и много потухло навсегда горнов.

Уходил я от гостеприимного хозяина с подарком: уносил звонкую работу младшего Пеленкина — кувшин в желтую да коричневую краску.

И как же я обрадовался недавно, когда вновь увидел скопинские работы! И где увидел? На Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. Тут и этикетки никакой не нужно было, чтобы разъяснить, что это Скопин. Названа фамилия мастера: М. Пеленкин. «Только какой же это Пеленкин,— думал я,— молодой или старый? Ведь они оба Михаилы!

Съезжу-ка я в Скопин, проведаю замечательных умельцев!»

Каково же было мое удивление, даже страх какой-то в душу прокрался, когда, пересев за Рязанью, в Ряжске, на поезд, идущий на Скопин, и едва разговорившись с пассажирами о цели своей поездки, услышал я от одной женщины такое.

— Как, как? — спросила она.— Едете проведать скопинских мастеров-художников? Да их всего полтора мастера и осталось!

— Как это полтора? — изумился я.

— А так! Михайло Михайлович Пеленкин — сын Михаила Никитича — да еще молодой мастер Лев Несонов, выученик по охоте, вот и все художество. Да и то Несонов уходить собирается. А я председатель артели этой, которая «Керамик» зовется. А еду из Рязани, из облпромсовета, с баталий. У нас скоро не то что художеств, а и горшков делать некому будет.

С поезда в Скопине я прямо на знакомую улицу, к Пеленкину зашагал. Тот же низенький деревянный дом, та же кирпичная беленая мастерская рядом — родовое гнездо целой династии гончаров Пеленкиных. Михаила Михайловича я застал за работой. Он сидел все за тем же гончарным кругом, за которым сидел и двадцать пять лет назад в дедовской своей мастерской, и вяло тянул махотки. Постарел, полысел, с виду ему теперь уже было под пятьдесят. Узнал и круг остановил, не вставая. Пристально и вопросительно всмотрелся в меня. А на лице у меня, должно быть, такая растерянность была написана, что он сразу догадался, что я все знаю, и заговорил:

— Ну, слыхали, видали?

— Да отчего же это у вас получилось? — с тревогой спросил я.

— Отчего? Как отчего? От людей,— отвечал мастер.— Додумались у нас лихие головы, «влили» нашу артель «Керамик» в объединенную артель сапожников, красильщиков, парикмахеров да фотографов и отнесли нас к разделу... бытового обслуживания. Вывеску нашу оставили, а порядки иные завели. Вначале будто бы и неплохо задумано было: большой-то семьей дело легче вести. Да приноровились у нас наши руководители как-то в особицу, посвоему, «свободный вал» выполнять. Что такое свободный вал? Да финансовая программа! На чем свободный вал-то легче выполнить? С художествами возиться надо. С махотками тож. Сбыт, рынок, дрова, ремонт печей. А заплатки и волоса на что? Ну и давай жать на волосах. Покуда парикмахерские на чужих волосах да на маникюрах «вал» вырабатывали, мы, гончары, без дела сидели или рублей по двести — по триста в месяц зарабатывали. И так-то вот и пошло. Ну и побрели гончары наши из артели кто куда — искать лучшей доли. Об ученичестве совсем забыли.

После минувшей войны мы стены уже для новой мастерской заложили и доверху их вывели, а который год вот стоит коробка без крыши. Вспоминают нас только в торжественных случаях. Выставка большая где или совещание по промышленности в области какое — так к нам летит гонец из области: «Ну-ка, мол, дорогой товарищ «Керамик», поддержи былую славу, подкинь художеств пяток — десяток». Перед торжеством когда вспомнят о нас и о наших художествах, душой встрепенешься. Ну, думаешь, вот он и есть тут, толчок. Вспомнили! Ан нет! Кончится торжество, опять слышишь: «Э, какие там художества! Выполняйте вал!»

Горькой речи Михаила Михайловича, казалось, не будет конца. Я слушал его и соображал: «Э, так вот как, значит, попали те скопинские изделия на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку!»

Однако сходим в правление артели: там председатель дожидается. Вернулась из области. Не привезла ли каких хороших новостей?

Шли мы в правление через базар. Базар шумел. В съестных рядах за прилавками за грудами белокочанной капусты, россыпей золотого лука, алой моркови, за оковалками мяса, розовевшего сочным налитым жиром, за поросячьими тушами, прищурившими глаза, стояли дородные, в белых фартуках колхозные продавцы. В рядах за ними, где не было лотков, а стояли живым частоколом люди, летали на ветру то полутораметровые домотканого льна полотенца, с которых кричали петухи и квохтали наседки, то огромная рукодельная скатерть, вышитая аллегорическими сценами и надписями в стихах. Казалось, тут же сейчас ею и свадебный стол накроют и за музыкой, песнями и хмельным говорком послышится веселое и задорное «горько!».

Домотканая шерстяная «рязанка», что лучше всякой фабричной «шотландки», сработанная в четкую цветную по черному полю клетку. Подзоры, вязанные в елку варежки, занавески, с которых кричали утки и слышались выстрелы ловких, грациозных охотников... Все броско, весело, пестро.

Только не было здесь нигде коренных скопинских художеств. К нам даже подошли женщины и спросили, нет ли где здесь в продаже «синюх». Но и «синюх» на базаре не было. Михаил Михайлович шел через все это умное великолепие изделий, молча и сосредоточенно разглядывая их, и только говорил:

— А глядите! Красота, загляденье! А в магазинах такого не найдешь. Почему так? Талантливо, нужно, а не найдешь. Вот собрать бы их умным людям, мастеров этих, в одно предприятие, не пожалеть бы сил да старания, приложить бы умение — сколько всего такого могли бы мы наделать на пользу и радость трудящимся нашим людям! Ведь за талантами бегать надо, собирать воедино, думать о них!

В правлении никого не было, когда мы пришли туда, кроме одной женщины в вязанной ловко, по-рязански кофте. В ней я узнал ту спутницу по вагону, с которой ехал в Скопин. Она назвалась Клавдией Александровной Муравлевой и предложила сесть. Взглянув на Пеленкина, кивнула ему, взяла со стола сверток, протянула:

— На вот тебе, Михайло Михайлович, подарочек из облпромсовета.

— Что это?

— Ролики. Образцы. Ну вот такие, что на стене, на которых электропроводка держится.

— А зачем?

— Делать будешь. Это тебе опять вместо художества сам председатель облпромсовета товарищ Караваев прислал. Я ему говорю: «Это же машинная работа. Ведь ролики-то машиной делают». А он: «И руками делать можно, гоните вал выше».

У мастера мускул на лице не дрогнул. Он только сдержанно спросил:

— А гвоздей или стиральных машин делать не прислал?

— Не прислал.

— И вся радость тут?

— Вся.

Тогда мастер, так же сдержанно, как спросил, положил решительно сверток на стол, надел шапку и сказал мне:

— Пойдемте. Проветриться куда-нибудь.

И мы вышли.

В Рязань, в Рязань, завтра же в Рязань!

Утром я отправился прямо к вокзалу, но по пути решил завернуть к Михаилу Михайловичу, чтобы проститься с ним. У порога мастерской меня предупредительно встретил его сынишка Мишатка. Он возился над чем-то в углу в сенцах, и руки у него были тоже, как у отца, испачканы глиной. Тронув меня осторожно за рукав, он многозначительно сказал:

— Уже началось.

— Что началось?

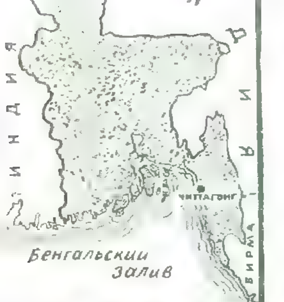
— А вот войдите тихо и поглядите.

Я вошел в мастерскую и не узнал сразу Михаила Михайловича. Он словно бы преобразился и помолодел. Руки его летали над вращающимся кругом. На кругу появлялись то какие-то замысловатые полые кольца и квадраты, то вырастали узкие, «в талию», как хрустальная рюмка, горловины, то он разваливал свежий глиняный цилиндр вдоль на части, пластал их на круге и резал тонкие пласты эти коротким ножом. А в следующий миг его пальцы уже колдовали над этими кусками глины, и на кругу появлялись диковинные птицы. Меня он приметил, но слова не сказал. Только глазами мигнул, и они осветились хитроватой улыбкой непокорного упорства.

Я вышел, потихоньку притворил за собою дверь и подумал: «А зачем ехать в Рязань? Ведь и так все ясно! Сухие люди из облпромсовета в угоду «свободному валу» поступились интересами тех, кто хочет видеть у себя дома чудесные изделия скопинских мастеров. Промысел их должен быть возрожден. Есть все для этого. И мастера отличные, и материал хороший. Нужно только, чтобы облпромсовет взялся как следует за это большое, нужное дело».

Михаил Михайлович Пеленкин в мастерской со своим сыном Мишей.

ХОЛМЫ ЧИТТАГОНГА

А. ПУХОВ

Читтагонг — крупнейший порт Восточного Пакистана. После раздела Индии в 1947 году он принял на себя основной поток грузов этой части Пакистана и стал быстро развиваться. Расположенный в устье реки Карнафули, порт принимает большие океанские пароходы, привозящие рис, промышленные изделия, металл, уголь, нефть и нефтепродукты и увозящие джут и джутовые изделия, чай, кожи, воск, мед.

В пределах города Читтагонга насчитывают больше ста небольших холмов. Обилие зелени, высоких, покрытых крупными цветами деревьев, узорчатые купола мечетей, разноцветные коляски рикш — все это на первый взгляд производит впечатление веселой пестроты. Но более близкое знакомство с узкими улочками старых районов, скученными, утопающими в грязи базарами, сотнями нищих, осаждающих каждого нового человека, меняет первое впечатление.

Типичный дом жителя района Читтагонгских холмов.

Город сильно перенаселен нахлынувшими сюда после раздела беженцами. До раздела в Читтагонге проживало 40 тысяч жителей, а теперь — более 240 тысяч. Работы не хватает, а затянувшийся в последние годы в Восточном Пакистане голод еще более усугубляет бедственное положение жителей. В городе часто вспыхивают эпидемии...

Мы отправляемся дальше, в глубь района Читтагонгских холмов, или, как его здесь называют, «Читтагонг хилл трэктс», к местечку Рангамати — столице района.

Крестьянин-джумиа.

Справа и слева от дороги — бесконечные маленькие участки рисовых полей: рис — основная культура местного земледелия. Изредка попадаются крошечные огородики, посевы джута, но здесь его мало; основные джутовые районы расположены севернее. Большие деревни встречаются редко: крестьяне живут разобщенно, в небольших домиках из бамбука, обмазанных глиной. Вокруг домов — рощицы банановых деревьев и пальм.

В одном таком домике с единственной полутемной комнатой без окон мы разговорились с хозяйкой, старой, изможденной трудом и недоеданием женщиной. Она горестно качала головой: второй год подряд сильные наводнения истребляют посевы, вода разрушила много построек, у многих погиб домашний скот. Люди питаются кореньями, травой. Риса, который они получают как помощь от государства, мало. Все живут надеждой на следующий урожай, но что будет, если снова наводнение?..

На улицах Читтагонга.

Переезжаем через небольшую речку Халду, медленную, мутную. Пейзаж начинает резко меняться, появляются холмы, сначала невысокие, затем все выше и выше. Впереди район Читтагонгских холмов.

Холмы тянутся почти параллельными рядами с севера на юг — это отроги Лушайских гор. Между холмами простираются широкие долины, почва которых очень плодородна. Самая крупная из орошающих этот район рек — Карнафули. С рекой связано много легенд и преданий. Карнафули в переводе означает сережка, «цветок уха». Одна из легенд говорит, что во времена Моголов дочь правителя Читтагонга, совершая поездку по этой реке, уронила в воду свою сережку и в честь этого дали имя реке.

Дорога вьется по склонам холмов, то подымаясь вверх, то внезапно опускаясь вниз к долинам. Вокруг почти не тронутая человеком природа: густые джунгли, бамбуковые заросли, рощи диких бананов. Изредка попадаются небольшие деревни, в которых живут коренные обитатели этого края — «люди холмов». Это — понятие собирательное, включающее в себя многие племена здешнего края. Все они в основном относятся к бирманской группе и имеют типичные монгольские черты.

Наиболее крупные племена района Читтагонгских холмов: чакма (около 150 тысяч человек), моги (60 тысяч) и трипура (30 тысяч). Кроме них, есть еще несколько небольших племен: бомс, панкос и другие. Основные племена — выходцы из Северной Бирмы — исповедуют буддизм, племя трипура — индуизм, остальные мелкие племена — анимисты (поклоняются духу предков). В районе живут также мусульмане и христиане, но миссионерская деятельность представителей этих двух религий не имеет почти никакого успеха у населения.

Сельское хозяйство отчетливо подразделяется здесь на два вида: долинное земледелие и земледелие на склонах холмов, или «джум». Зимой, в январе или феврале, джумиа (крестьянин, занимающийся земледелием этого рода) выбирает подходящий участок на склоне холма, где джунгли не слишком густы. Вооружившись неизменным дао — длинным ножом с рукояткой,— он срезает кусты, бамбук и деревья и на два месяца оставляет их на земле для просушки. В апреле, перед наступлением летних дождей, сушняк поджигается и медленно сгорает.

На местах пожаров образуется тонкий слой золы, служащей удобрением. Очистив участок от недогоревших стволов, крестьянин ждет наступления дождей. В мае, как только пройдет первый дождь, начинается сев.

Взяв большую плетеную корзину, джумиа насыпает в нее семена различных культур: педди (рис), хлопка, маиса, дыни, огурцов, тыквы, масличных культур — и тщательно все перемешивает. Вооружившись дао, сеятель быстрым и ловким движением вонзает его в землю и наклоняет в сторону. В образовавшееся отверстие высыпается горсть семенной смеси, после этого нож вынимается, и земля засыпает семена.

Вскоре начинаются дожди, и посеянные культуры под влиянием обильного тепла и влаги растут быстро, но поспевают в разное время. К середине июля созревает маис, в августе — овощи, затем — рис и масличные, а в октябре и ноябре — хлопок. Так с одного небольшого участка собирается урожай нескольких культур, дающих крестьянину самое необходимое для жизни.

Но на второй год земля уже не дает урожая, и крестьянину приходится искать другой участок и проделывать все заново. В поисках нового поля крестьяне ча-

На строительстве Карнафульской ГЭС.

сто переходят с места на место целыми деревнями, ведя полукочевой образ жизни.

Основное питание населения — вареный рис. Его едят два раза в сутки: около 10 часов утра и на заходе солнца. В зависимости от достатка к рису добавляют вареные овощи, рыбу, мясо.

«Люди холмов» очень гостеприимны и приветливы. На пути в Рангамати мы часто видели у дорог, около деревень, небольшие сооружения из тростника наподобие часовенок, где под соломенным навесом на полочке стояли по два — три глиняных кувшина с холодной водой. Эта трогательная забота о незнакомых путниках передается из поколения в поколение.

Дети из района Читтагонгских холмов.

Семьи здесь большие, и пять — семь детей — обычное явление. С раннего возраста (5—7 лет) дети начинают участвовать в тяжелых полевых работах, становясь полноправными помощниками семьи к 10—12 годам. Почти никто из них не ходит в школу, за исключением детей более состоятельной части населения — деревенских старост, мелких торговцев, полицейских. Общеобразовательные школы начальной ступени имеются только в местечках и некоторых городах. Однако обучение в них ведется не на родном для местного населения, а на бенгальском языке. Поэтому даже тех немногих детей, которые имеют возможность учиться, родители отдают в близлежащие буддийские монастыри. Девочек, как правило, грамоте не обучают.

После окончания полевых работ начинаются праздники — мелла. Почти в каждой деревне вечерами, после захода солнца, в буддийском храме возле статуи Будды зажигаются свечи, а на раскинувшемся вокруг небольшом базаре устраиваются гулянки молодежи, танцы. Парни угощают девушек фруктовыми напитками, сластями, покупают для них недорогие украшения.

Зимние месяцы (декабрь — февраль) — счастливейшие для молодежи. Это время, когда празднества завершаются помолвками и свадьбами. По установившейся традиции, браки совершаются и по сговору родителей и по любви. Девушки выходят замуж не ранее 18—20 лет — к этому времени они должны научиться работать в поле, приготовлять пищу, ухаживать за детьми, прясть и ткать.

* * *

Рангамати — маленький городок, вытянувшийся дугой по высокому берегу Карнафули. Единственное крупное сооружение в нем — замок начальника района, воздвигнутый на самом высоком холме и окруженный каменной стеной. Остальные строения — все те же бамбуковые хижины.

В Рангамати.
Рисунок Заинула Абедина — крупнейшего художника Восточного Пакистана.

Здесь нас ждет разочарование: обещанное накануне посещение крупнейшей в районе карнафульской бумажной фабрики не состоится. Как позже выяснилось, несколько тысяч рабочих этой фабрики забастовало, протестуя против невыносимо тяжелых условий труда и нищенской зарплаты. Местная администрация предпочла не допускать туда посторонних...

И вот снова мы взлетаем и ныряем на нашем «джипе» с холма на холм, держа курс на строящуюся невдалеке Карнафульскую гидроэлектростанцию — гордость всего Восточного Пакистана, первую гидроэлектростанцию этой провинции.

Строится она уже больше пяти лет главным образом тяжелым ручным трудом землекопов. Рабочих здесь около 5 тысяч человек. Живут они в небольших грязных поселках.

Строительство Карнафульской ГЭС, как нам рассказывали пакистанцы, велось вначале по проекту и под руководством местных инженеров. Но медленные темпы работ и почти полное отсутствие техники были использованы американцами: с лета 1956 года они взяли строительство в свои руки. Проектная мощность Карнафульской ГЭС — 150 тысяч киловатт, пуск первого агрегата намечен на начало 1959 года.

...Снова джунгли, снова редкие деревушки, лесоразработки, на которых труженики-слоны перетаскивают, укладывают в штабеля и грузят тяжелые стволы срубленных деревьев. Снова холмы, бесконечные холмы этого далекого уголка земли с его чудесным, трудолюбивым и честным народом...

На пароходе «Ильич»

Терень МАСЕНКО

Чудесный, теплый день с утра,
И окоем — в ультрамарине.
Плывет «Ильич» в красе Днепра
По нашей светлой Украине.

Ивняк сбегает под откос,
Янтарный остров дышит жаром,
Повис дугой огромный мост,
А дальше — маленький над
яром.

Расстаться с палубою жаль!
От рощи тянет прелью винной,
А Днепр течет спокойно вдаль,
До горизонта плес раскинув.

За дымкой скрылись Вишенькй.
Осталась память о причале,
Где на припеке у реки
Арбузы грудами лежали...

Налево в плавнях тополя...
И вспомнил мой приятель
давний,
Как содрогалась тут земля,
Как застилало дымом плавни.

Он чудом сам остался жив,
Где смерть косила все живое.
Тамань и Керченский пролив
Ночами видит он порою...

Чудесный, теплый день с утра,
И окоем — в ультрамарине.
Плывет «Ильич» в красе
Днепра
По нашей светлой Укр ине.

Перевел с украинского
Дм. СЕДЫХ.

ТРИ ТОНГА

Таиландская народная сказка

Рисунки К. РОТОВА.

Жил-был один бездельник по имени Тонг, что в переводе означает Золото. Долгое время у него не было друзей, пока наконец он не встретил ловкого юношу, которого тоже звали Тонг. Впредь будем называть их Тонг Старший и Тонг Младший.

Тонгу Младшему казалось, что в Тонге Старшем заложено много скрытых талантов, которыми последний почему-то до сих пор не сумел воспользоваться и потому не добился успеха в жизни. По мнению Тонга Младшего, чтобы безбедно прожить остаток своих дней, Тонгу Старшему нужно было обратиться к религии.

Услышав такое из уст молодого, но отнюдь не глупого друга, Тонг Старший сначала отнесся скептически к его затее, говоря, что монашеская жизнь требует суровой, аскетической дисциплины и сопряжена со многими лишениями. Но Тонг Младший поспешил заверить товарища, что он далек от мысли уморить его постом и другими лишениями, связанными с ношением монашеского сана. Напротив, он ищет в религии не утешения от бренных земных дел, а всего-навсего хочет обеспечить успех их общего предприятия.

И, не откладывая дела в долгий ящик, наши компаньоны отправились на поиски заброшенного храма, который мог бы служить убежищем для человека, всецело поглощенного религиозными размышлениями. Когда они нашли такое место, Тонг Старший облачился в желтые одежды буддийского монаха и стал изображать из себя священную особу.

А тем временем Тонг Младший бродил по окрестностям, и если он встречал безнадзорных или заблудившихся буйволов, принадлежащих крестьянам ближних деревень, то уводил животных в джунгли и, чтоб они не сбежали, привязывал их к деревьям. Потом он возвращался в храм и докладывал своему старшему компаньону, где он привязал буйволов.

Придя в деревню, Тонг Младший давал понять простодушным людям, что неподалеку живет старый монах, который не только славится своим благочестием, но и обладает даром ясновидения. Потерявшие от горя рассудок крестьяне спешили к мошеннику. Тот, чтобы произвести на них наибольшее впечатление, рисовал мелом на грифельной доске загадочные знаки, пересыпая свою речь словами из жаргона астрологов, и наконец открывал им место, где нужно искать скот.

Так как Тонг Старший никогда не ошибался в своих прорицаниях, он быстро завоевал сердца людей и добился большой славы. Ему несли подарки, и его одухотворенный вид производил все большее впечатление на доверчивых крестьян.

Однажды на пороге храма появился юный паж из дворца князя, который правил этой провинцией. Оказалось, что князь каким-то образом затерял свой бесценный бриллиантовый перстень, и самые тщательные поиски не привели ни к каким результатам: перстень исчез. Князь глубоко переживал эту потерю и послал своего пажа за помощью к ясновидящему монаху. Этого старый плут никак не мог предусмотреть и до того растерялся, что бессознательно стал бормотать себе под нос: «Ну, господин Тонг, дни твои сочтены, и никто не сможет тебя спасти от уготованной участи».

Как это ни странно, но имя пажа оказалось таким же, как и у монаха,— Тонг. Слова монаха так напугали пажа, что он упал к ногам святого человека, умоляя сохранить ему жизнь.

Вот так удача! Старый мошенник сразу же выудил у бедного юноши признание в совершенной им краже и узнал, где спрятан перстень. Монах отправился в резиденцию князя, и там ему был оказан почтительный и теплый прием. Он сказал князю, что хотел бы помочь найти потерянное сокровище, но открыть имя похитителя отказывается, потому что не хочет подвергнуть жестокому наказанию человеческое существо: это несовместимо с ношением священной монашеской одежды. Князь не протестовал, а только просил монаха показать место, где хранится его перстень, и после находки осыпал ясновидца всяческими благодеяниями.

Спустя несколько дней нашего монаха пригласили во дворец князя на обед. Желая оказать уважение своему гостю, князь лично встретил его и проводил на почетное место, а сам сел рядом. Монах наслаждался великолепным угощением. Когда он ел кари [1], в горле у него вдруг застряла куриная косточка. Он мог откашляться или как-нибудь иначе избавиться от кости, но это

сочли бы неприличным в присутствии высокой особы. Поэтому наш плут не нашел ничего лучшего, как махать головой вверх и вниз, чтобы проскочила кость.

Князь, увидев это, поднялся со своего места, подошел к нему и спросил, в чем дело. Внезапно в колонну, на которую еще мгновение назад опирался князь, ударила молния. Ударил гром — плут от страха широко открыл рот и проглотил злополучную кость.

Не растерялся он и на этот раз. С сияющим лицом обратился к принцу и сказал: «Что-то внутри подсказало мне, что молния вот-вот поразит ваше высочество, и я кивнул вам головой».

Князь был потрясен происшедшим, стал умолять монаха остаться во дворце навсегда. А его не нужно было долго уговаривать. В тот же день монах переехал в дворцовый храм и стал его настоятелем.

Однажды в дворцовом колодце обнаружили страшную кобру. Никто не осмеливался не только брать воду, но даже приблизиться к тому месту. Князь немедленно послал за своим советником. Тонг Старший просто ума не мог приложить, как увильнуть от приказания. Он бродил вокруг колодца, пытаясь выяснить, большая ли кобра. Заглянул в колодец, не сумел сохранить равновесия и полетел вниз. В страхе схватился Тонг за первый попавшийся предмет, а когда пришел в себя, оказалось, что он задушил кобру. Тонг стал громко звать людей, прося спустить ему лестницу.

Отважный поступок принес монаху еще бо́льшую славу.

Вскоре после этого правитель соседней страны вторгся со своей армией во владения князя и осадил главный город, где жил и наш монах. Князь проникся к монаху таким доверием, что поручил ему командовать армией. Старый обманщик даже не умел ездить на лошади и только с помощью Тонга Младшего уселся в седло. А чтобы главнокомандующий не свалился с коня, Тонг Младший стянул ему ноги кожаным ремнем, завязав концы под животом лошади. Предводительствуемые преподобным отцом войска князя двинулись на неприятеля.

Но поскольку преподобный отец не умел держаться в седле, он вскоре очутился под брюхом своего коня и не упал на землю лишь только потому, что ноги его были связаны ремнем. Неприятельское войско не сводило глаз с княжеского военачальника. А когда солдаты увидели его скачущим вниз головой, они пришли в ужас, и все войско кинулось врассыпную, решив, что в таком странном положении преподобный отец, очевидно, мог лучше использовать свою магическую силу, и мудро рассудив, что осторожность — лучшая сторона доблести.

Поле боя осталось за бесстрашным святым отцом и его кожаным ремнем! Когда монаха

развязали, он объяснил: ему было видение, что в предстоящей битве враг постарается напустить на армию князя злые чары, и он решил скакать под брюхом коня. Все злые духи неприятеля прошли над головой его коня, не задев войско. Более того, из этого положения командующий сам посылал одно за другим заклинания на голову врага и обратил его в бегство.

Таковы похождения мошенника Тонга, который благодаря разным случайностям получил известность за свой дар провидения и за волшебную силу, одержавшую победы над всеми врагами королевства.

Перевела И. МИШИНА.

[1] Национальное блюдо, приготовленное из риса, мяса и пряностей.

Новое дело в колхозе: три с половиной тонны ранних овощей вырастили в теплице колхозники в нынешнем году.

В детском саду

Пасечник Юрий Балко всегда возле пчел.

Зачинатели колхозной жизни — Герои Социалистического Труда звеньевая Анна Ладани и председатель колхоза Юрий Рубиш.

СЕЛО НАД ЛАТОРИЦЕЙ

Колхоз имени Ленина, Мукачевского района Закарпатской области.

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.

В селе Великие Лучки выходит многотир [illegible]

Пионер Миша Глагола — добровольны[illegible]

Девятиклассник Степан М[illegible]

Снискавший себе заслуженную [illegible]
карпатский народный хор выст[illegible]
Великие Лу[illegible]

СЕЛО НАД ЛАТОРИЦЕЙ

М. ТЕВЕЛЕВ

Говорят, что селу этому триста лет. Пожалуй, оно и так, если взглянуть на дерево, посаженное здесь первым поселенцем.

Названо село Великие Лучки.

Вон как вытянулось оно над Латорицей — горной речкой, вышедшей здесь из Закарпатских междугорий на равнину.

В былые времена и земля под сельскими хатами, и пашни вокруг, и дороги принадлежали здесь графу Шенборну. «В былые времена»,— сказали мы, но в Закарпатье это не так уж и давно! Ученики последних классов великолучковской десятилетки помнят еще ту пору: ведь Советской власти на этой земле всего двенадцать лет, а великолучковский колхоз имени Ленина в погожее майское воскресенье отметил свое десятилетие.

Есть нечто знаменательное в том, что в преддверии великого сорокалетия Октябрьской социалистической революции закарпатское село отмечает десятую годовщину своей колхозной жизни. Вот они, всходы семян, посеянных в героическом семнадцатом году!

Цифры... гм, цифры... но ведь без них не обойтись, если хочешь рассказать о том, чем были известны Великие Лучки в прошлом и чем стали они знамениты сейчас.

Тридцать корчмарей держали на селе свои питейные заведения. Две церкви пеклись о послушании и покорности. Один врач на шесть сел в округе, и тарелка сажи на столе в сельской управе, чтобы проситель, обмакнув палец в сажу, смог «тиснуть» его отпечаток на бумаге вместо подписи.

И еще известны были Великие Лучки безземельем, дешевыми батраками и непокорством.

Власти посылали сюда карательные экспедиции на усмирение селян, деливших графскую землю. Был тут повешен в 1918 году один из крестьянских вожаков, Иван Габовда. Великолучковские коммунисты числились в ряду самых боевых, и великолучковца Василия Поповича трудовой люд Закарпатья избрал от себя по списку коммунистической партии сенатором в сенат тогда еще буржуазной Чехословакии.

Чуть больше десятилетия отделяет нас от той поры, когда в мукачевском кинотеатре делегаты Великих Лучек вместе с делегатами других сел и городов Закарпатья проголосовали за воссоединение с Советской Украиной. Чуть больше десятилетия, а кажется, век прошумел. Да посудите сами, как же не подумать о целом веке!

Сорок два учителя обучают великолучковских хлопчиков и девочек в трех школах; тридцать пять медиков заботятся о здоровье жителей села. Шесть миллионов рублей дохода получают труженики колхоза имени Ленина с земли, отданной им на вечное пользование. Семьдесят пять свадеб сыграно в одном только прошлом году; семьсот восемьдесят отличных домов выстроено за колхозные годы.

Мы могли бы еще сказать о ста девятнадцати великолучковцах, закончивших в советское время вузы страны, об автобусе, ежечасно отправляющемся из города Мукачева в Великие Лучки. Но не будем утомлять вас цифрами.

Празднично и многолюдно сегодня в Великих Лучках — и своих людей не занимать стать, да и приезжих на колхозный праздник много: ведь как-никак великолучковцы далеко за пределами области нашей славятся своим мастерством кукурузоводов.

И если в праздничной толпе, заполнившей сегодня улицу, вы приметите худенькую средних лет женщину в черном, как принято здесь, платке, с золотой звездой Героя Социалистического Труда на груди, знайте, что это звеньевая Анна Ладани, великолучковская мастерица высоких урожаев.

А как здесь в выходной день, не скучно? Да что вы!

В селе большой кинотеатр, строится колхозный Дом культуры, приезжают артисты из Ужгорода, Киева, Москвы. Есть и своя самодеятельность, духовой оркестр, и уж так повелось, что великолучковцы — не редкие гости и в Мукачевском городском театре.

Но всего не опишешь словами. Пусть рассказ этот дополнит фотоаппарат...

Село Великие Лучки.

3.000 победителей

В. ВИКТОРОВ, А. КУЛЕШЕВ

Фото А. БОЧИНИНА.

СТАРТ И ФИНИШ

Третьи дружеские спортивные игры ознаменовались рядом выдающихся результатов. Особенно это касается легкой атлетики. О старте соревнований мы уже писали. Он был отмечен невиданным до сих пор результатом по прыжкам в высоту и волнующим бегом на 10 тысяч метров, в котором призер Олимпийских игр Аллан Лауренс должен был довольствоваться только вторым местом, уступив первое советскому бегуну Петру Болотникову.

И вот мы снова увидели их на старте, но уже в последний день соревнований по легкой атлетике. На этот раз предстоял бег на 5 тысяч метров. Его ждали десятки тысяч зрителей, и среди них — такие корифеи беговой дорожки, как Эмиль Затопек, Владимир Куц и Шандор Ихарош. Два года назад Затопек и Ихарош выступали на этой дистанции в Варшаве, в дни II дружеских игр. Но победу одержал молодой польский стайер Ежи Хромик. Его результат — 13 минут 55,2 секунды — стал рекордным. Журналисты прозвали это состязание «бегом столетий».

Как же сложится бег теперь?

Сразу же со старта, верный советской тактике, вперед вырвался Петр Болотников, а Аллан Лауренс, верный тактике английских бегунов, сразу же «сел ему на пятки». За ними устремились венгр Миклош Сабо, немец Фридрих Янке, Алексей Десятчиков, спортсмены Финляндии, Чехословакии, Исландии, Чили.

После трех километров Болотников оставался лидером бега, но за ним вплотную продолжала держаться большая группа бегунов. Было ясно, что развязка близка, но кто мог предполагать, что она наступит еще за два километра до конца бега? И кто мог предполагать, что инициативу возьмет на себя не Лауренс и не Сабо, а мало кому известный немецкий бегун Янке? А ведь именно он внезапно рванулся вперед, сразу нарушив спокойное течение бега. Вслед за ним устремился Десятчиков, затем на второе место вырвался Сабо. События, развернувшиеся столь стремительно, так захватили всех, что многие зрители и не заметили, как бегуны вышли на последнюю прямую. Янке стремился вперед из последних сил, но его неуклонно достигал Сабо. Примерно в сорока метрах от финиша Сабо вышел вперед и первым закончил этот замечательный бег — 13 минут 51,8 секунды!

Мы не видели, как аплодировали Миклошу Сабо Затопек, Куц и Ихарош — три рекордсмена мира на эту дистанцию,— но, конечно же, они не могли не радоваться результатам, затмившим «бег столетия» в Варшаве. Ведь рекорд игр, установленный там Хромиком, побили Миклош Сабо, Фридрих Янке, Аллан Лауренс и Петр Болотников.

Да, это был поистине олимпийский бег, и он как бы завершил состязания легкоатлетов.

Но им никак нельзя ограничить успехи соревнований бегунов, прыгунов и метателей. Надолго запомнятся острый поединок сильнейших европейских прыгунов в высоту, закончившийся победой молодой румынской спортсменки Иоланды Балаш; успех польского спринтера Мариана Фойка, пробежавшего 100 метров за 10,5 секунды, удача молодой спортсменки Урсулы Донат (ГДР), завоевавшей золотую медаль в беге на 800 метров.

Мы видели на московском стадионе выступления таких всемирноизвестных легкоатлетов, как Янош Сидло (Польша), метнувшего копье на 80 метров 12 сантиметров, стали свидетелями рождения новых рекордов игр, когда Виталий Чернобай прыгнул с шестом на 4 метра 50 сантиметров, а Галина Зыбина толкнула ядро на 16 метров 26 сантиметров.

Горячо приветствовали зрители знаменитого бразильского прыгуна А. Феррейра да Силву. Он встретился со своим давним соперником и приятелем Леонидом Щербаковым и добился победы.

С нетерпением ждали болельщики встречи бегунов на короткие и средние дистанции. Все забеги прошли в напряженной борьбе и еще раз показали, что в этих видах легкой атлетики советские бегуны не добились успехов. Все спринтерские и средние дистанции у мужчин были проиграны, кроме бега на 1 500 метров.

Встреча на этой дистанции была поистине захватывающей. Старт взяли экс-рекордсмен мира Иштван Рожовельди (Венгрия) и Станислав Юнгвирт (Чехословакия), только недавно установивший новый мировой рекорд. Кто, казалось, мог тягаться с ними? Внимание всех было приковано к этим двум сильнейшим спортсменам. Юнгвирт смело возглавил бег, а Рожовельди держался за ним вплотную. Так они состязались тысячу метров, пока Юнгвирт резко не увеличил темп. Он оказался не под силу венгерскому спортсмену, но был принят советским бегуном Ионасом Пипи-

Геннадий Галкин (СССР) прыгает с вышки.

Финал бега на 100 метров выиграл Мариан Фойк (Польша). Победителя поздравляют его соперники.

Альфред Хубер (Австрия) в прыжке берет трудный мяч.

не, который ка последней прямой обошел всех своих соперников. Пипине установил новый всесоюзный рекорд и новый рекорд игр — 3 минуты 41,1 секунды. Вот это бег!

НА РИНГАХ И КОРТАХ

Боксерские бои отличались исключительной остротой, и это понятно: в Москве, во Дворце спорта, встретились очень сильные соперники. Вот почему после первых же встреч исчезло самое понятие «предварительные схватки», «четвертьфиналы», «полуфиналы». Все встречи представляли одинаковый интерес, и поражение двух олимпийских чемпионов, В. Сафронова (СССР) и В. Берендта (ГДР), состоялось задолго до финальных состязаний.

В финале особенно широко были представлены боксеры трех стран — СССР, Польши и Румынии. Мы хотим выделить два особенно интересных боя. В первом полусреднем весе Р. Тамулис встретился с одним из лучших польских боксеров, Г. Войцеховским, и, показав разнообразную тактику и точность ударов, завоевал золотую медаль. В первом среднем весе А. Коромыслов вел бой с югославом Д. Яковлевичем. Эта встреча отличалась исключительным напряжением, так как оба соперника были совершенно равноценны по своим силам и волевому напору. Бой закончился трудной и почетной победой советского боксера.

Если бы в боксе разыгрывалось на этот раз командное первенство, оно бы, бесспорно, досталось советским спортсменам, которые завоевали 5 золотых медалей.

Мы вспомнили об этом успехе наших боксеров, побывав на кортах, и невольно задали себе вопрос: на каком бы месте оказалась команда советских теннисистов? Ни один из них ни в одном из разрядов не дошел до финальных состязаний. Все они к этому моменту оказались на местах для зрителей.

Пожалуй, редко мы видели мастеров такого высокого класса, как австриец А. Хубер, ставший чемпионом игр, Иржи Яворски (Чехословакия), занявший второе место, австралиец Р. Хоу, кубинец О. Гарридо, индиец Н. Кумар, венгерка С. Кермеци и многие другие.

Наблюдая игру наших гостей, мы увидели новые формы тенниса: стремительного, атлетического, точного, увидели, что игра у сетки не ведет к поражению и что в теннисе возможны удары не только одной, но при необходимости и двумя руками.

* * *

Мы не имеем возможности подробно остановиться на всех событиях, происходящих на стадионах и площадях Москвы.

Много интересного увидели зрители на дистанции гребных гонок, на борцовских коврах, на водных и фехтовальных дорожках.

Как и на каждых соревнованиях, на III дружеских играх есть свои победители, есть призеры, есть спортсмены, вошедшие в почетную шестерку. Есть, конечно, и занявшие последние места. Но на играх нет одного: побежденных! Если кто-то из 3 тысяч участников игр не обрел медали, то он обрел верных друзей, если не установил новый рекорд, то узнал доброжелательных советчиков, если не получил почетного приза, то сохранил дорогие воспоминания о теплых встречах, о крепких объятиях тут же, на финише, о новых товарищах,— одним словом, обо всем том, о чем говорит само название игр: дружеские, международные, спортивные.

Момент матча в регби между командами Чехословакии (в полосатых майках) и Уэльса.

На велотреке стадиона «Юных пионеров». В ожидании заездов.

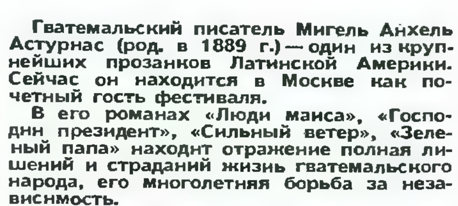
А. Феррейра да Силва (Бразилия) отдыхает перед соревнованием.

Напряжённый момент матча в травяной хоккей между командами Германской Демократической Республики и Японии.

Рассказ

Мигель Анхель АСТУРИАС

Рисунки А. Кокорина.

Гватемальский писатель Мигель Анхель Астуриас (род. в 1889 г.) — один из крупнейших прозаиков Латинской Америки. Сейчас он находится в Москве как почетный гость фестиваля.

В его романах «Люди маиса», «Господин президент», «Сильный ветер», «Зеленый папа» находит отражение полная лишений и страданий жизнь гватемальского народа, его многолетняя борьба за независимость.

К лучшим, наиболее поэтическим страницам латиноамериканской литературы относится книга «Легенды Гватемалы», в которой Астуриас знакомит нас с богатой мифологией коренного населения страны.

Последний сборник рассказов Астуриаса, «Уик-энд в Гватемале», написанный в 1956 году, посвящен кровавой интервенции США в 1954 году, когда было свергнуто законное правительство Гватемалы, ликвидированы аграрная реформа и демократические свободы и установлен режим террора.

Астурнас хотел назвать книгу «Уик-энд в ООН», ибо, как известно, обращение Гватемалы в Совет Безопасности не нашло отклика, так как заседания Совета были прерваны из-за каникул. «А для торговцев война в Гватемале была военной прогулкой,— говорит Астуриас,— недельной войной». Отсюда и окончательное название сборника — «Уик-энд в Гватемале».

Ниже публикуется рассказ из этого сборника.

В вышине на ветру раскачивался одинокий матасано[1]. Его ветви склонялись над пропастью, круглый год одетой зеленым покровом. Серовато-зеленая, будто присыпанная пеплом листва матасано выделялась на фоне этой сочной, изумрудной растительности. Диего Хун Иг перевел взгляд дальше, мысленно насчитав еще одиннадцать зеленых оттенков внизу, в ущелье Водяной бабушки, и наконец у него сложилось число «тринадцать», которое сулило ему удачный день. Старейшина Великого братства спускался в город. Он шел потолковать о земельных делах. Так встретились в коридоре кабильдо[2] Советник и Диего Хун Иг.

Вот они заметили друг друга, пошли навстречу, поздоровались, сняв почти одновременно белые шляпы, и поклонились с достоинством друг другу. После этих взаимных приветствий Советник провел клиента по коридору кабильдо, в этот час обильно залитому солнцем, и ввел его в комнату, почти лишенную мебели. Только длинные скамьи тянулись вдоль одной ее стены да у противоположной стены, в центре, можно было заметить стол и кресло с высокой спинкой. Вот, собственно говоря, и вся обстановка. Башмаки вошедших звонко стучали по каменному полу.

Не без церемонии присев на одну из скамей в углу в душном полумраке, отдававшем крепким запахом красного дерева, из которого был сложен дом, Советник и Диего Хун Иг принялись обсуждать земельные дела.

— Аграрный закон,— сказал Советник, вытаскивая из кармана белой рубашки тонкую книжечку, размером не более карманного требника, и протягивая ее Хун Игу.

Тот с благоговением взял ее и поднес сначала ко лбу, а затем к груди — в знак того, что она навсегда останется в его голове и сердце...

Весь день и всю ночь гремели большие барабаны у дверей дома Великого братства. Была суббота. Оглушительные, ни на минуту не смолкавшие звуки этих огромных барабанов сзывали всех членов общины, мужчин и женщин, детей и стариков, на утреннюю сходку. Давно уже не слышали они этого призыва. По мере того, как били барабаны, грозовая атмосфера, порожденная этим тревожным боем, сгущалась. День выдался холодный. Но разве могли в этот миг обращать внимание на исчезновение солнца люди, что, суетясь на просторном общинном дворе, торопливо подметали его большими, сделанными из корневищ метлами, обильно поливали водой и затем устилали листьями и цветами. Диего Хун Иг и другие старейшины тем временем принялись устанавливать знаки Великого братства на сложенном из зеленых ветвей алтаре.

Их было девять, этих больших эмблем. Серебряный диск на шесте; в центре его с одной стороны — образ Сант-Яго, с другой — буквы I-H-S — символ Христа. Эту эмблему поднимает, открывая церемонию, Диего Хун Иг. Остальные диски были поменьше. На одних висели колокольчики, которые при движении позванивали; на сверкающей поверхности других расходились солнечные лучи; некоторые были увенчаны крестами. Перед водруженными на алтарь эмблемами зажгли свечи. Индейцы, следуя примеру Диего, преклонили колени и принялись усердно молиться.

Сгустились сумерки. Луна, которой никак не удавалось выйти из-за облаков, бросала тусклый свет на кровли погруженного во мрак поселка, притихшего и вздрагивавшего от каждого удара барабана.

Донья Бернардина Коатепек — ее знали под этим именем, так как она была родом из Коатепеке, хотя называли ее все «Ла Галья»,— не находила себе места от этого барабанного гула. Он выводил ее из себя, мешал работать.

— Проклятые индейцы, нет на них погибели! Опять не дадут спокойно спать! Попробуй усни при такой возне! Прямо ад какой-то! И о чем только думают власти?!. Тебе чего, девочка? — повернулась она к одной покупательнице.

— Свечей на пять сентаво.

— А зачем они тебе?

— Зажигать...

— Знаю, что зажигать! Но для чего?

— Как же, сегодня ведь последний день святого праздника!

— А вы, синьора, что хотели?

— Мучицы с ведерко...

— А ты?

— Мачете[3], вон тот...

— Мачете? На что тебе мачете?

— Так просто.

— Боже мой, боже мой, проклятые барабаны!

Из густого полумрака лавки, пропитанной десятками запахов, послышался хриплый голос:

— Ты могла бы уже и закрыть, Бернардина, так будет тише. При такой торговле нечего держать лавку открытой.

— «Могла бы закрыть!» — передразнила она.— Ну и закрой...

Костлявый человек с большими усами, в шляпе, с окурком в зубах поднялся со скамейки и встал с засовом в руках у полузатворенной двери, дожидаясь, когда уйдут последние покупатели. В самом деле, стало немного тише. Дремавший в углу кот встал и лениво направился к пустым горшкам из-под молока, вымытым и приготовленным для утреннего удоя. Потом одним прыжком он оказался на столе, почти у самой двери, между горками соломенных шляп.

— Пойду считать выручку,— сказала Ла Галья,— потом поужинаем.

С этими словами она извлекла из-под прилавка большой котелок, где лежала дневная выручка. Порывшись, она вытащила карандаш и засаленную тетрадку.

— А я знаю, почему тебя допекают барабаны!

— Ты все знаешь! Ты... Ну ладно, не мешай считать!

— Накличут они на тебя беду...

— Оставь меня в покое или убирайся! Я не потерплю хамства в моем доме!

— Вот посмотришь, накличут...

* Ла Галья (исп.) — бой-баба, заноза.

[1] Матасано — дерево, распространенное в Центральной Америке.

[2] Кабильдо (исп.) — городская управа.

[3] Мачете (исп.) — широкий нож-тесак, используемый в сельскохозяйственных работах.

— Замолчи! Кому я сказала?! — Ла Галья ударила по прилавку хлыстом, который она всегда носила на поясе.

Костлявый покосился на киут, притаившийся на прилавке неподвижной, подстерегающей добычу змеей. В знак протеста он молча вздернул плечами, направился к одной из полок и достал оттуда бутылку пива.

— Так-то будет лучше. Выпей хоть все пиво в деревне, только не лезь ко мне со своими воспоминаниями!

Костлявый уже не слышал ее. Он исчез во внутренней части дома и там, в тишине столовой, потягивал пиво. Его втянутая в тощие плечи голова, впалая грудь да и вся фигура наводили на мысль, что у этого человека туберкулез.

— Эй, Конопатый! — донесся снаружи голос Ла Гальи.— Эти подлые индейцы сводят меня с ума, поэтому и с тобой я была не совсем любезна.

— Ничего себе «не совсем любезна»! Ты всего-навсего посулила мне киута. Непонятно, и чего ты только с ним носишься целый день! Ах, да!.. Ведь он тебе от отца достался. Старый бродяга... Не с одного индейца спустил он шкуру этим кнутом.

— Да замолчишь ты наконец, или я из тебя душу вытрясу! — замахнулась она хлыстом на Конопатого.

— Я-то замолчу, а вот барабаны...

— Что ты сказал?

— Молчу, молчу!

— Ну-ка, давай посмотрим, что там оставила девчонка... Нанимаются в кухарки, а сами даже яйца всмятку сварить не могут! А ты что не читаешь газеты? Хоть на что-нибудь-то ты годен? Для кого, как не для тебя, выписываю эту кучу бумаги! И хоть бы раз видела, чтобы ты их читал!

Конопатый сорвал с пачки газет наклейку, на которой значилось его имя — Луис Маркос. Подписка была на его имя, все здесь было на его имя. Он развернул газету и придвинулся к лампе.

— Бернардина! — громко позвал он, заглянув в газету.— Выходит, неспроста они бьют в барабаны. Ты слышала новость? Завтра во исполнение аграрного закона состоится раздача земель индейцам Великого братства.

— Отварную картошку, вот что оставила эта дрянь! Ты, кажется, любишь перехиль. И сальпикон [1]. Но она не положила в него кислого апельсина, и он совсем не острый. Так что, ты говоришь, там в газетах?

— Завтра, в воскресенье, состоится распределение земли между членами общины «Великое братство».

— Что за глупость? Отобрать землю у владельцев и отдать ее индейцам! Ну-ка, подай сюда хлеб и мясо, есть хочется. Черт возьми, кусок в горло не лезет! — проворчала Ла Галья, поднося ко рту вилку с ломтиком мяса.— Попробуй поешь при таком шуме. Не могу... Ужинай сам, а я пойду, не обижайся.

Среднего роста, полная, Ла Галья обладала, тем не менее, легкой женственной походкой. Но на этот раз ее трудно было узнать: она едва волочила ноги, словно приговоренная к смерти. Ла Галья совершенно не владела собой. С застывшим на лице страдальческим выражением, с дрожащими губами, едва сдерживая рыдания, она, не раздеваясь, бросилась на кровать и полностью отдалась охватившим ее чувствам. Бой барабанов у дверей дома Великого братства то набегал в ночной тишине, то отдалялся под порывами ветра, но не смолкал ни на миг. Вот так, точно так же громыхали они в ту памятную ночь перед восстанием индейцев, когда был убит ее отец. Личный друг президента, он был всемогущ, но лютой ненавистью ненавидели его индейцы, которых здесь называли «овчарами», так как они в детские годы пасли его овец, а когда достигали совершеннолетия, он продавал их на кофейные и банановые плантации на побережье.

Конопатый лениво стал складывать газеты, да так и не сложив, оставил на столе. Ничего не хотелось делать. Чтобы пригладить бумажку, он стукнул по ней кулаком. Потом он встряхнулся и под непрерывный гул барабанов двинулся за новой бутылкой пива в другую, темную комнату, где лишь в углу, перед образом, тускло мерцала лампадка. Вот так же гремели и гремели барабаны в тот день, когда прикончили старика. Его вовремя пристрелил секретарь и помощник Рафаэль Прокол. Он пустил пулю в шефа, чтобы индейцы пощадили его, Рафаэля. То была предательская услуга. Не уложи он его там одним выстрелом, индейцы разорвали бы их на части обоих. Когда пришли нападавшие, они увидели распростертое на земле тело старика и потому не тронули Прокола.

«Бедняжка Ла Галья! — думал Конопатый, слизывая с уголков губ пивную пену.— Она выросла в этом окружении, и где ей понимать, что с индейцами надо обращаться, как с людьми. Только от одной мысли об этом ее охватывает бешенство. Рассказывают, что ее отец даже после своей смерти наводил страх на индейцев. Для провинившихся пеонов у него в усадьбе имелись колодки и подземелье. С бунтовщиками он расправлялся беспощадно. А какая у него была железная хватка! Все он обращал себе на пользу. Задолжав ему хоть раз, никто уже не мог с ним потом рассчитаться. Для пеона, который попадал в его лапы, уже не было спасения. Несчастный работал на него до самой смерти, отрабатывая долг, и дети его получали в наследство этот долг и продолжали гнуть спину на старика».

Задержавшись в дверях своего ранчо, Диего Хун Иг сказал жене, что вернется после полуночи, и зашагал через поле к ущелью Мельгарехо, похожий на ночную птицу. Там стояла хижина Тукуче, самого старого индейца в округе. В узелке Диего нес ему кофе, хлеб и четвертушку черствого сыра. Все это пришлось старику по вкусу; он очистил для гостя местечко на земле и сам сел подле него, застыв подобно каменному божеству.

— Знаешь, отец, нам даруют землю,— заговорил Диего, низко поклонившись старику.— Но ведь у «них» все делается с умыслом. Как ты думаешь, к добру это или злу?

Тукуче прикрыл веками слезящиеся глаза и долго сидел, не двигаясь, задумчиво созерцая осиный рой, кружившийся в воздухе. Его высохшие огромные кисти, обтянутые пергаментом кожи, точно черные пауки, неподвижно лежали на земле. Дыхание старика было спокойным и глубоким.

— Так как же, отец, к добру это?

— Оно, конечно, не ко злу. Только вот не настало еще время, чтобы земля снова к нам вернулась. Еще пройдет много лет. В тот вещий день придут к нам «Большие Перья». Надо ждать. Девять раз побывал я на светлой луне, но ничто не возвестило мне, что эти земли переходят к нам по воле «Больших Перьев».

— А в чем же ты видишь плохую примету, отец? — встревоженно спросил Диего Хун Иг.

— В том, что придут другие бледнолицые, а с ними новая война, еще большие поборы и страдания.

Издалека, словно гул прибоя, долетало эхо от неумолимых барабанов.

— Бледнолицые?

— Да, они. Они будут все брать и брать... Произойдет странная, очень странная война. С нами будут воевать, но мы никогда не узнаем, кто пришел к нам с войной. А если это станет известно, то никто ничего не скажет. Все будут молчать. Вот в чем тайна! Чтобы отнять у нас землю, придет война с неба, и никто, Диего, никто не узнает, за что к нам пришла эта смерть...

— Отец, отец!..

— И тогда наши вожди выразят покорность. Многие наши вожди, дети индейцев, опустят головы, встанут на колени ради того, чтобы бледнолицые помогли им взвалить на нас ужасные поборы. Они заставят людей работать на их полях и своими деньгами набивать их сундуки.

Полуночный ветер дул в лицо, забирался в поросшие волосами, окоченевшие уши старейшины, похожие на крылья летучей мыши. Диего Хун Иг, не разбирая дороги, спотыкаясь на каждом шагу, возвращался домой.

Барабанный бой воспламенял сердце, заполнял собою всю необъятную ночь, рокотал в горах, плотным кольцом изумрудных стен обступивших селение. Старейшина, как Диего, не может никому поведать тайну, которую ему доверил старейший из стариков его народа. До рассвета было еще далеко. На тлеющих углях очага жена оставила ему еду: полдюжины лепешек в горячей золе, кувшин кофе и ломтик копченого мяса в миске. Войдя в дом, Диего не притронулся к еде. Только на рассвете голод дал знать о себе. Пища уже совсем остыла. Все вокруг было сырым и холодным. Диего Хун Иг, как в перчатку, погрузил руку в золу. Язычки огня внезапно заиграли по руке. Странно, кусочки угля рубинами горели на пальцах, не обжигая их.

Барабаны продолжали бить. Навевающие сон, ритмичные удары рождали мысль о том, что вот сейчас все в жизни застынет: никогда не взойдет больше солнце, остановятся и останутся, как звезды и воды, заснувшие птицы и сердца. И все это на неизмеримо долгое время, на неопределенно долгие годы. Лишь Ту-

[1] Перехиль, сальпикон — местные блюда.

куче будет бодрствовать, ожидая Великого Носителя Перьев, могущественного владетеля Зеленых Перьев, который спустится, чтобы раздать им земли, на этот раз навсегда...

Церемония была простой. Облаченные в праздничные одежды, с крестами и эмблемами в руках, старейшины вышли навстречу членам правительственной комиссии по распределению земель. Впереди шагал с серебряным изображением солнца Диего Хун Иг, а за ним толпой двигались члены общины. У дверей Совета люди образовали затор, и проход пришлось освобождать чуть ли не силой. Все хотели видеть. Все устремляли свои любопытные, утомленные долгим ожиданием взоры туда, где происходила загадочная для них «раздача земли». Построившись в ряд, индейцы дожидались своей очереди, чтобы получить участок в долине или на склоне гор Пало Альто. Кое-кто из них пытался было поцеловать руку членам комиссии, но господа не позволили, объяснив, что распределение земли есть не что иное, как осуществление революционной программы.

Конопатый издали следил воспаленными глазами за процедурой, не решаясь подойти поближе: ему претил запах индейцев, да и в толпе ему становилось не по себе. В стороне, напротив дома Великого братства, высилась горка из камня и земли, приготовленных для строительства. Конопатый взобрался на эту горку и оттуда стал следить за происходящим. Посреди комнаты за столом, покрытым бело-голубым флагом, стоял представитель правительства, рядом с ним — Диего Хун Иг, а по обе стороны от них — члены Совета старейшин. Индейцы один за другим подходили к столу и получали грамоты. Когда церемония окончилась, с длинной речью выступил некий кабальеро, который говорил больше руками, чем языком, так энергично он ими размахивал. Диего коротко ответил ему.

Снова зазвучали барабаны, запылали факелы, в небо полетели ракеты, духовой оркестр и маримбы [1] заиграли утреннюю зорьку.

— А что, если национальный гимн? — спросил дирижер.

— Погоди,— остановил его представитель правительства,— придем на участки, в Пало Альто, тогда и начинай.

Так и поступили. Когда подошли к Пало Альто, то каждому индейцу был показан отведенный ему участок. Там, на собственной земле, и остановился каждый из них со всей семьей.

Издали было видно, как на участках взволнованно сновали взад-вперед с сияющими лицами отцы, дети, внуки, одетые в пестрые наряды, образуя живописные группы и перекликаясь. Оркестр заиграл национальный гимн, и все, где бы они ни стояли, далеко или близко, в один голос запели гимн родины. Они пели гордо, стоя на своей земле,— они теперь больше не были обездоленными.

Спустя несколько месяцев Ла Галью навестила подруга по колледжу. Приход этой особы был для нее большой неожиданностью. Но скоро обе женщины хорошо поняли друг друга. Гостье достаточно было лишь заговорить о том, что положение в стране «такое тяжелое, такое тяжелое...» В тот же день Ла Галья получила небольшое поручение — составить список местных «коммунистов».

— И много их здесь, Бернар? — спросила подруга, обнажая в широкой улыбке стройный ряд белоснежных зубов и показывая, что она помнит, как называли Ла Галью в колледже.

— Все члены Великого братства. Что, мало?

— Но ведь братство — религиозная община; оно как будто занимается церковными делами: праздниками святых, богородицы...

— Пусть это тебе не кажется. Разве ты не слыхала о Братстве святого Доминго, которое получило здесь землю по аграрной реформе? Это и есть Великое братство.

— Так, значит, они и сюда пролезли! Ну, это долго не протянется! У нас уже все готово. К тебе я пришла потому, что знаю, как погиб твой отец. Списки коммунистов составляются по всей стране. От нас не уйдет никто!

Они поговорили еще немного о том, о сем. Потом подруга ушла. С того дня Ла Галья преобразилась. Выражение ее лица стало более суровым. Ее темные глаза теперь уже не бегали по сторонам, а внимательно смотрели в одну точку. Однажды Конопатый привел в дом какого-то юнца с фотоаппаратом на плече. Молодой человек назвался журналистом.

— Сын моего друга,— представил его Конопатый и, повернувшись к нему, добавил: — Мы работали с его отцом в Межевой комиссии. Тогда-то я и схватил эту чертову простуду.— Он кашлянул.— А как поживает твой отец?

— Скончался три года назад.

— Да что ты говоришь? А я и не знал! Ты не представляешь, как я тебе сочувствую. Ведь мы были с ним большими друзьями.

— Вы приехали от газеты побеседовать с кем-нибудь? — с любопытством вмешалась в разговор Ла Галья.— Ну, а с кем? Почему бы вам не поговорить с индейцами?

— Индейцев я и приехал интервьюировать,— ответил журналист, рассматривая носки своих туфель.

— Все время выдумывают новые слова,— сказала Ла Галья.— Как это, интер-интер? Первый раз слышу...

В сопровождении Луиса Маркоса, Конопатого, журналист отправился на поиски старейшины Диего Хун Ига. У калитки, которая вела на просторный двор, затененный листвой фруктовых деревьев, Конопатый и журналист окликнули хозяина. Навстречу им вышла, закрывая лицо руками, хорошенькая женщина, дочь Хун Ига. На вопрос, дома ли хозяин, она ответила:

— Да, он здесь.

— Передай, что с ним хочет повидаться один синьор.

— Хорошо. Сейчас скажу,— проговорила индианка и исчезла.

Немного погодя из глубины показалась рослая фигура старейшины. Он был гладко причесан, в новой рубахе, в коротких, до колен, панталонах с шитьем и в новых сандалиях. Хун Иг подошел и поздоровался. Ему сказали, что с ним хочет побеседовать журналист. Ему зададут несколько вопросов.

— Уж не полицейский ли? — недоверчиво посмотрел на пришельца Диего.

— Ну, и дикарь же ты! — поморщился Конопатый.— Понимаешь, это журналист. Из тех, что пишут в газетах.

— Понимаю. А о чем он хочет спросить?

— Сначала пройдем в дом,— предложил Конопатый.

— Не обязательно,— произнес до того молчавший репортер.— Так разговор будет больше походить на интервью.

— Конечно, если вам будет угодно, пожалуйста,— пригласил их войти Диего.

— Нет, нет. Не беспокойтесь! Всего лишь несколько вопросов. Вы коммунист?

Диего с недоумением взглянул на репортера. К нему подошла нарядно одетая дочь, за ней остальные дети Хун Ига. Все они гурьбой окружили отца.

— А что это такое? — спросил, в свою очередь, Диего.

— Это, это свободная любовь, это значит иметь много жен,— пояснил Конопатый,— а детей отдавать государству.

— У меня только одна жена, а это все мои дети. Те, что побольше, ходят в школу. А маленьких, когда они подрастут, я тоже пошлю в школу. Пусть учатся.

— Вот-вот, он и есть коммунист,— вставил Конопатый.— Только коммунисты посылают своих детей в государственные школы.

— Не знаю, о чем ты толкуешь. Только я хочу, чтобы все мои дети ходили в школу и научились читать.

— Скажите, синьор,— продолжал приезжий,— получив землю, не желают ли ваши крестьяне приобрести трактор, сеялку или, скажем, не хотят ли они построить приют?

— Конечно, синьор, хотим.

— Очень хорошо! — сердито проворчал Маркос Конопатый.— Очень хорошо!

— Напишите в газете о том,— усмехнулся индеец,— что теперь мы стали владельцами земли, самостоятельными хозяевами, что теперь у нас у всех свой участок. Мы разбогатеем, и у нас тоже будет мясо к обеду.

— Еще один вопрос: то, что у вас есть, принадлежит только вам или всем вместе?

На это Диего сразу ответил:

— Участок только мой. Каждому принадлежит его участок. Общинная будет лишь икона нашего покровителя святого Доминго, которую мы заказали уже три месяца тому назад...

— Ну, а трактор, сеялка, силосная башня?..

— Это, конечно, тоже для всех, как и икона святого Доминго. Общее, потому что все вложат свою долю.

— Вот видишь,— заметил Конопатый.— Это и значит быть коммунистом. Это значит, всем вместе владеть имуществом.

— Не знаю, что это такое,— стоял на своем Диего.— Только земля не является общей; нет, земля, которую мне дали, только моя, и ничья больше! Не зря же мне ее дали!

На этом месте пуля оборвала жизнь Диего Хун Ига. Для индейцев наступили тяжелые

[1] Маримба — индейский музыкальный инструмент.

времена. Ла Галья, не без помощи Луиса Маркоса, передала кому следует списки коммунистов деревни и даже сама показала их дома отрядам наемных солдат. Там, где раньше находился совет Великого братства, теперь заседал своего рода трибунал. Им руководила Ла Галья. Ее приказы об очистке селения и его окрестностей от коммунистов исполнялись без всякого разбора людьми, прибывшими из различных мест.

К исходу первого дня расправы над индейцами Ла Галья пришла домой и в изнеможении свалилась в постель, даже не сняв с плеч накидки и не вытащив из волос гребешков. В потемках она сказала беспрерывно кашлявшему Луису Маркосу, который вставлял ключ в дверь:

— Ну-ка... пусть замолчит этот барабан... Пусть они перестанут, эти барабаны... барабаны... я говорю... я приказываю разделаться с ними... Ну!..

Конопатый не отвечал. Не решаясь зажечь свет, он так и остался стоять в потемках у дверей, испуганный необычным тоном голоса Ла Гальи, тоскливым и пронзительным.

— Барабан... барабан! — кричала Галья.— Ты слышишь?

Он ничего не слышал, но счел благоразумным промолчать.

— Что же ты стоишь?.. Неужели ты не можешь унять эту бесовскую возню? По приказу Бернардины Коатепек пусть прикончат всех, у кого барабаны. Отправляйся! Слышишь?!

— Иду.

— Пойдем!

Ла Галья выскользнула на улицу вслед за ним с искаженным странной гримасой лицом, подобрав до колен платье, словно она собиралась перейти вброд реку. Она шла, не переставая посылать проклятья по адресу барабанщиков. В воздухе стоял запах порохового дыма и свежей крови. Никого не было видно. Выйти наружу осмелились только они. На улице еще валялось несколько трупов индейцев. Они наткнулись на них, обошли и зашагали дальше.

Звуки барабанов на мгновение заставили Конопатого подумать, что он действительно теряет рассудок. Они были уже на площади, недалеко от ворот дома Великого братства, когда Луис Маркос явственно услышал гром барабанов. Огромные барабаны, барабаны грохотали в облаках.

Скоро он понял, что это рокот самолетов. Он хотел остановить Ла Галью, слабый, тщедушный человек, но она оказалась сильнее его и ускользнула из его рук.

— Галья, Галья, это самолеты... наши союзники бомбят!.. Это совсем не индейские барабаны. Наоборот, это самолеты гринго...

Старый Тукуче выбрался из ущелья Мельгарехо; он ходил по краю его, глядя на небо. Внезапно его костлявые руки протянулись, пытаясь что-то выхватить из воздуха. А когда это ему удалось, все тело его как-то странно повернулось и обмякло. Больше он ничего не видел.

Диего Хун Иг говорил мертвому, что для него он был вечно живым, как вода, солнце, воздух. Теперь уже не вешают, теперь убивают пулями. Разгром оказался полным... Много наших было тайно убито: в селах, на дорогах... Еще не настало время для того, чтобы земля вернулась в наши руки, но этот день придет...

— Ха-ха-ха! — смеялась Галья на площади и размахивала кнутом.— Я думала, что это барабаны, а оказывается, это самолеты... Мне очень нравятся гринго, которые своими самолетами заставили замолчать барабаны! Ха-ха-ха, жалкие индейцы, они хотели бороться при помощи барабанов против современных военных самолетов!

На следующий день все сыновья Диего Хун Ига вышли на строительство дороги. Им не платили, им не давали даже похлебки. Дочери Диего носили в корзинках братьям кое-какую еду. Надсмотрщик, лейтенант Сирило Пильчес, пристал к одной из дочерей Диего Хун Ига и изнасиловал ее тут же.

— Коммунистическая индианка,— говорил он, издеваясь над ней.— Узнай, что такое свободная любовь! Ведь это провозглашал твой отец! Узнай, что такое иметь детей для государства! Ведь именно этого хотел твой папаша. Он же хотел, чтобы вы все были государственными. Вот тебе твой трактор, твоя силосная башня, твоя сеялка!

Индианка почти не сопротивлялась. Она была всего лишь маленьким испуганным зверьком, а лейтенант был важным сиьором. У него были нашивки, были два пистолета, сабля. Он был храбрым, истинным героем. Не зря же он заслужил орден после победы американских бомбардировщиков над беззащитными барабанщиками! Лейтенант посмотрел довольным взглядом вслед удалявшейся жертве, которая даже не остановилась, чтобы подобрать остатки раздавленной еды, и снова стал следить за рабочими на дороге. Из заднего кармана брюк он вытащил последний номер журнала «Висьон» и вновь принялся читать: «...Испугавшись, что мы обнаружим в его доме марксистскую литературу и фотографии Ленина, Сталина и Мао Цзэ-дуна, коммунистический главарь Диего Хун Иг встретил нас у порога, меня и другого уважаемого жителя города. Окруженный злыми собаками, держа наготове автомат, он отвечал на наши вопросы...»

Снова выглянуло солнце. Высоко на ветру по-прежнему раскачивался одинокий матасано. Его ветви склонялись над пропастью, круглый год одетой зеленым покровом. Серовато-зеленая, отливавшая золотом листва матасано, выделялась на фоне этой сочной, изумрудной растительности. Глаза Диего Хун Ига закрылись навсегда, но другие глаза, глаза младших поколений, продолжают насчитывать одиннадцать зеленых оттенков в ущелье Водяной бабушки, чтобы с теми двумя сложить число тринадцать, священное число Великого Носителя Перьев Кетсаля[1], который однажды утром, в один из грядущих дней, навсегда отдаст землю индейцам.

Перевели с испанского
В. ЖИТКОВ и А. ЛИТВИНОВ.

[1] Кетсаль — птица, распространенная в Центральной Америке. По поверьям, эта птица не может жить, погибает в неволе. Кетсаль — символ свободы в Гватемале.

ТИШИНА

Виктор КОЧЕТКОВ

БЫВШАЯ ГРАНИЦА

Расскажи мне, бывшая граница,
Что тебе сегодня ночью снится.

Храп коней, оружья лязг короткий,
Темных скул крутые желваки,
Полумесяц крадущейся лодки,
Выбитый на золоте реки!

Злых овчарок тихое ворчанье,
Осторожный шепот патрулей!
Или просто сонное молчанье
Изморозью тронутых полей!

Острый блеск слегка привядшей травки,
Огоньки днестровского села!
Ты, как старый офицер в отставке,
Вся в воспоминания ушла.

Затянуло травами густыми
Узкий след контрольной борозды,
Смотрит дот глазницами пустыми
В выпуклое зеркало воды.

Дремлет явор над крутым обрывом,
В берег бьет ленивая волна.
Ветерок припал к ковыльным гривам.
Тишина...

Расскажи мне, бывшая граница,
Что тебе сегодня ночью снится.

РОСНЫЙ ЧАС

Режет воздух уток стая,
Гусь на озере трубит...
Степь молдавская, родная,
Как понятен мне твой быт!

Луч рокочущей трехтонки
Вдруг ощупает холмы,
Стон совы иль крик ягненка
Ветерок несет из тьмы.

Посвист суслика тревожный,
Запоздалый звон косы,
И не слишком осторожный
Лай рассерженной лисы.

Слышишь, заяц деловитый
Смачно хрумкает во ржи,
Слышишь, фыркают сердито
Возле рощицы ежи!

Так до самой полуночи
Напряженно степь живет:
Верещит, пищит, хохочет,
Плачет, ухает, поет.

А теперь все разом смолкло:
Свисты, шорохи, игра,
Даже тонкий, как иголка,
Писк упрямца-комара.

Стихли веток колыханье
И травинок голоса.
Затаила ночь дыханье —
Значит, падает роса.

Протяни, товарищ, руку,
Не пугайся темноты,
И прильнут к руке без звука
Влаги полные листы.

Кишинев.

КАК РАЗ И НАВСЕГДА ИЗЛЕЧИТЬ ЛЮБИТЕЛЯ ПОКАЗЫВАТЬ КАРТОЧНЫЕ ФОКУСЫ

Ст. ЛИКОК

Хитростью завладев колодой карт по окончании игры в вист, любитель карточных фокусов говорит:

— А вы когда-нибудь видели карточные фокусы? Вот я сейчас покажу вам хороший фокус. Тяните карту.

— Спасибо, мне не нужна карта.

— Да нет же, тяните карту, любую, а я скажу, какую карту вы вытянули.

— Кому это вы скажете?

— Нет, нет, я хочу сказать, что отгадаю, какая это карта, понятно? Ну, давайте, выбирайте карту.

— Любую?

— Да.

— Любого цвета?

— Да, да!

— Любой масти?

— Ну да же! Давайте же!

— Ну что же, подождите, я... выберу... туза пик.

— Господи! Я хочу сказать, что вы должны вытянуть карту из колоды.

— Ах, вытянуть карту из колоды. Теперь понимаю. Давайте сюда колоду. Ладно. Есть.

— Вытянули карту?

— Да, тройку червей! А вы что, уже угадали?

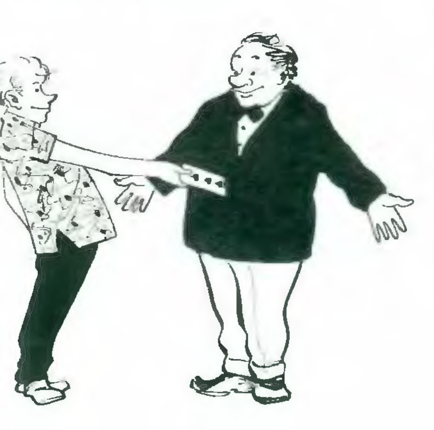
— Черт возьми! Да вы не говорите мне. Вы все испортили. Вот попробуйте еще раз. Тяните карту.

— Ладно, вытянул.

— Положите ее обратно в колоду. Спасибо. (Усиленно тасует.) Ну вот! (Торжествующе.) Эта карта?

— Не знаю. Я не запомнил ее.

— Не запомнили? Черт побери, да ведь вы должны посмотреть на карту и запомнить ее!

— Ах, так вы хотите, чтобы я посмотрел на карту?

— Ну да, разумеется. Давайте тяните карту.

— Ладно. Вытянул. Валяйте!

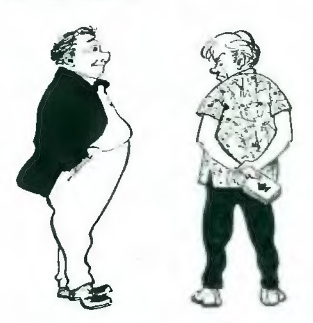
— Послушайте, черт бы вас побрал, а вы положили свою карту обратно в колоду?

— Нет, зачем? Она осталась у меня.

— Боже милостивый! Слушайте. Вытяните карту — одну, посмотрите на нее, запомните и положите ее обратно в колоду. Понятно?

— Ну еще бы! Только я себе не представляю, как это вы сможете угадать. Вы, должно быть, ужасно умный. (Тот усиленно тасует.)

— Ну вот. Это ваша карта? Не так ли? (Наступает самый критический момент.)

— Нет, это не та карта! (Наглая ложь, но да простит вас бог!)

— Не та карта!!! Послушайте, подождите секунду. На этот раз будьте повнимательней. Учтите, что у меня этот проклятый фокус всегда выходит. Я его показывал отцу, матери и всем, кто когда-либо бывал у нас в доме. Тащите карту. (Усиленно тасует и с шумом хлопает картой по столу.) Ну, вот она, ваша карта.

— Нет, к сожалению, это не моя карта. Но, может быть, вы еще раз попробуете? Ну, пожалуйста. Может быть, вы слегка переволновались? Боюсь, что я оказался довольно тупым. Да вы пойдите посидите полчасика один на заднем крыльце, а потом еще раз попробуете. Как, вам пора идти домой? Ах, как жаль! Это, должно быть, замечательно остроумный фокус. Спокойной ночи!

Перевела с английского **Е. ШЛОСБЕРГ.**

Рисунки В. Соловьева.

Больной Кабан

Басня

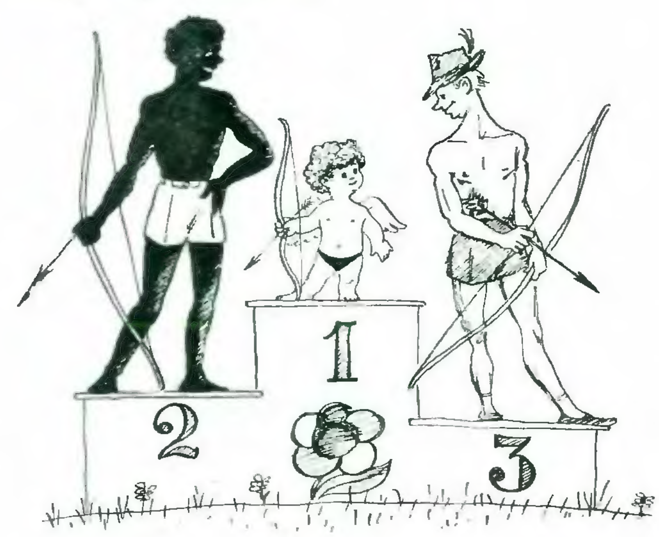
Сергей МИХАЛКОВ

К ученой птице — умному Павлину —
Хавронья на прием явилась не одна:
Хавронья привела с собою Кабана.
(Павлин был доктором, умел лечить скотину).
Павлин спросил: «Чем вам помочь, друзья?»
«Мой Боров заболел,— ответила Свинья.—
Весь день на всех рычит, копытами топочет.
Всем угрожает он. Знать ничего не хочет!
Доходит дело чуть ли не до драк.
Он никаких не терпит возражений
И не стесняется в подборе выражений».
«Я очень нервным стал»,— заметил мрачный Хряк.
Павлин задумался: «Скажите, а бывает,
Что и на Льва он голос поднимает?»
«Нет, этого пока не замечала я,
Со львами вежлив он»,— прохрюкала Свинья.
«Быть может, он волков и тигров оскорбляет?»
«Нет! Этого мой Хряк себе не позволяет!»
«Ну что ж,— сказал Павлин,— диагноз мой таков:
Поскольку ваш супруг не трогает волков,
Ни тигров и ни львов, а значит, разумеет,
Что голос повышать на сильного не смеет,
И перед ними, стало быть, робеет,—
Он с точки зренья докторов
Вполне здоров!»

Знавал я одного начальника такого.
На подчиненных брызгал он слюной:
«Уволю! Накажу! — кричал он через слово.—
Как вы стоите тут передо мной!..»
Его однажды вызвали, прижали,
И у него коленки задрожали:
«Простите, — говорит, — я нервный. Я больной!»

Рисунок К. РОТОВА.

Вокруг фестиваля

Окончились состязания по стрельбе из лука...

Е. Гуров.

Факир в магазине.

А. Брусиловский.

Собиратель автографов.

Ю. и Л. Черепановы.

Однажды...

Знаменитый французский актер XIX века Коклен-старший рассказывал о том, как однажды на сцене он, играя засыпающего Ганнибала, случайно заснул и даже захрапел, но публика, слыша его храп, вообразила, что так полагается по роли. Некоторые утверждали, что он храпел неестественно, неправдоподобно и что в действительности так не бывает.

Один американский миллионер, купив картину у известного английского художника Тёрнера, узнал, что художник эту картину стоимостью в сто фунтов стерлингов писал всего два часа. Покупатель возмутился и подал в суд на Тёрнера за обман.

Председатель суда спросил художника:

— Скажите, сколько же вы времени работали над этой картиной?

Тёрнер ответил:

— Всю жизнь и еще два часа!

Оскар Уайльд в своих американских впечатлениях рассказывал, как один американец предъявил иск железнодорожному обществу за то, что выписанный им из Парижа гипсовый слепок Венеры Милосской был доставлен ему с отбитыми руками. И, что еще поразительнее, он выиграл иск, и ему возместили убыток.

Знаменитый немецкий портретист Ганс Гольбейн Младший был придворным живописцем английского короля Генриха VIII. Однажды один из знатных лордов пожаловался королю на Гольбейна. Король ответил ему:

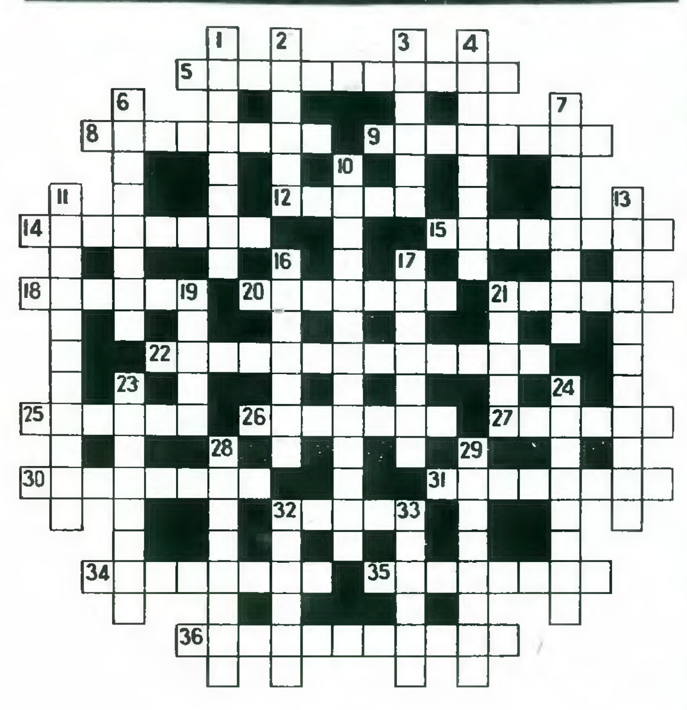
— Знайте, что из семи простых людей я могу сделать семь лордов, но из семи лордов я не смогу сделать ни одного Гольбейна.

Микеланджело изобразил Медичи красавцем, хотя тот в действительности был горбатым. Художник говорил: «А кто будет это знать через 500 лет...»

И. СОКОЛОВ

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Пьеса советского драматурга. 8. Средство связи. 9. Один из создателей фильма. 12. Драматическое произведение. 14. Зубчатая передача. 15. Сорт сливы с мелкими плодами. 18. Водопад, низвергающийся уступами. 20. Артиллерийское орудие. 21. Греческий мифологический герой. 22. Совокупность звездных систем. 25. Немецкий композитор XIX века. 26. Часть здания, увеичивающая стену или колоннаду. 27. Денежная единица Афганистана. 30. Резинотканевая оболочка для предохранения камеры шины. 31. Совокупность, сочетание предметов, явлений, свойств. 32. Струнный музыкальный инструмент. 34. Лак для полировки. 35. Испытанный, надежный товарищ. 36 Устройство для накопления энергии.

По вертикали:

1. Небольшой холм. 2. Отпечаток с гравюры. 3. Коллектив актеров театра, цирка. 4. Усердие. 6. Главный персонаж русского народного кукольного представления. 7. Подставка для подрамника. 10. Смелость, непреклонность. 11. Специалист по внедрению техники. 13. Область физики. 16. Южнославянский народ. 17. Сельскохозяйственная машина. 19. Река в Европейской части СССР. 21. Действующий вулкан в Исландии. 23. Живописец-портретист XVIII века. 24. Чертежный прибор. 28. Учение о звуке. 29. Русский писатель. 32. Род растений семейства кактусовых. 33. Основоположник новой армянской литературы.

Ответы на кроссворд, напечатанный в № 32

По горизонтали:

4. Филодендрон. 6. Аккомпанемент. 9. Алеш. 10. Гипербола. 11. Фара. 15. Уральск. 18. Кольцов. 19. Бастион. 20. Тетралогия. 21. Гренландия. 23. Чайкина. 24. Виртуоз. 25. Лопасть. 28. Арка. 29. Журналист. 30. Тигр. 33. Благодарность. 34. Стратосфера.

По вертикали:

1. Флюорит. 2. «Декабристы». 3. Тремоло. 4. Факт. 5. Нина. 7. Беллетристика. 8. Гальванизация. 9. Агротехника. 12. Амортизатор. 13. Эскалатор. 14. Модулятор. 16. Капитан. 17. Сопрано. 22. Экскаватор. 26. Сунгари. 27. Эстонец. 31. Плёс. 32. Утка.

На вкладках этого номера репродукции картин Ю. В. Кияниченко «В. И. Ленин в Разливе», Н. Л. Бабасюк «В. И. Ленин в Смольном» и шесть страниц цветных фотографий

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, И. А. УРАЗОВ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. **Рукописи не возвращаются.** Оформление Л. Шумана.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 06644. Подписано к печати 7/VIII 1957 г. Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 200 000. Изд. № 889 Заказ № 1957

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

На московском ипподроме.

Фото А. Бочинина.

Министерство Торговли СССР
ГКТ
ГЛАВКУЛЬТОРГ
Цена номера 3 руб.
Петух, поющий на дворе,
Вас будит только на заре.
А наш будильник будит вас
В любое время—в нужный час!
Здесь быть не может мнений двух:
Будильник лучше, чем петух.
С. Михалков
Малогабаритные
БУДИЛЬНИКИ